

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»**

**А.А. Сорокин
М.В. Медоваров**

**КОНТРЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА III В ВОСПРИЯТИИ
КОНСЕРВАТОРОВ И ЛИБЕРАЛОВ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО**

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано методической комиссией
Института международных отношений и мировой истории
для студентов ННГУ, обучающихся по направлению подготовки
46.03.01 «История»

Нижегород
2021

УДК 94(47).082
ББК Т3(2Р)0
С 65

С 65 Сорокин, А.А. Контрреформы Александра III в восприятии консерваторов и либералов: власть и общество: учебно-метод. пособие [Электронный ресурс] / А.А. Сорокин, М.В. Медоваров. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2021. – 124 с.

Рецензент: кандидат исторических наук, доцент **Николаев Д.А.**

Учебно-методическое пособие представляет собой хрестоматию, содержащую исторические источники 80-90-х годов XIX века, отражающие взаимоотношения общества и государства в России, а также конфликт идейных лагерей в общества. Пособие снабжено контрольными вопросами и предназначено для студентов направления «История».

Ответственный за выпуск: председатель методической комиссии ИМОМИ
ННГУ, к.и.н., доцент Бушуева С.В.

УДК 94(47).082
ББК Т3(2Р)0

©Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Тексты документов	6
1. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря	6
2. [Катков М.Н.] Возвращается ли правительство?.. Ч. II	9
3. [Арсеньев К.К.] Газетный обвинительный акт против устава 1863 г.	20
4. [Гольцев В.А.] Новый университетский устав. Полемика по его поводу	26
5. Дневник В.Н. Ламздорфа	38
6. Куломзин А.Н. Крестьянское управление	40
7. Мещерский В.П. Мысли о земских начальниках	43
8. Головин К.Ф. Введение земских начальников. Характеристика реформы	48
9. [Муромцев С.А., Каблуков Н.А.] Хроника русского законодательства	52
10. Куломзин А.Н. Отношение правительства к земским учреждениям	70
11. Головин К.Ф. Земская реформа и ее последствия	74
12. [Арсеньев К.К.] Новое положение о земских учреждениях	77
13. [Гольцев В.А.] Новое «положение» о земских учреждениях	81
14. Витте С.Ю. Меры, принятые графом Толстым по отношению к земствам. Усиление правительственной власти. Реформа 1890 г. и ее значение	89
15. [Цертелев Д.Н.] Университетский вопрос	102
16. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина	105
Контрольные вопросы	121
Список рекомендуемой литературы	122

ВВЕДЕНИЕ

Изучение административных преобразований эпохи Александра III остается важным и трудным моментом для студентов в рамках как общих курсов истории России XIX века, так и спецкурсов по истории местного самоуправления, органов государственной власти, периодической печати, общественной мысли и проч. В силу относительной кратковременности данных преобразований и стойкой традиции их негативного восприятия советскими историками (а также чрезмерно апологетических трактовок у некоторых современных исследователей) оказывается, что данные сюжеты обделены вниманием во всех учебных курсах. Между тем введение земских начальников и упразднение мирового суда, новое земское и городское Положения, новые уставы университетов, гимназий и духовных учебных заведений, несомненно, оказали влияние на всю последующую до 1917 года историю России. Их роль в пути российского общества к революции, явно принижаемая советскими историками, в последнее время пересматривается. Высказываются обоснованные суждения о крайней условности и спорности самого термина «контрреформы», более напоминающего ярлык, который находится в противоречии с целым рядом других мероприятий Александра III и его министров (прежде всего, в экономической, финансовой, налоговой сфере). Пожалуй, точнее было бы говорить о корректировке реформ 1860-х годов при сохранении их основных черт.

Дискуссионность перечисленных вопросов заставляет обратиться к такой форме учебно-методического пособия, как хрестоматия из текстов редких источников (либо периодической печати тех лет, либо не самых известных произведений выдающихся мыслителей 1880-90-х годов). В настоящем издании выборочно представлены точки зрения консерваторов и либералов на университетскую реформу 1884 г., введение земских начальников в 1889 г., новое Положение о земских учреждениях 1890 г., общее усиление роли дворянского сословия в административной системе государства. Документы

№ 3, 4, 9, 12, 13, 15 переиздаются впервые. Разумеется, данная хрестоматия не является исчерпывающей и может пополняться в дальнейшем. По соображениям объема в ней не представлена точка зрения народников, в те годы широко представленная на страницах «Русского богатства» и «Северного вестника».

Выводы из приведенных источников студентам предлагается сделать самостоятельно при ответе на контрольные вопросы, по которым можно проводить семинарские занятия. Наконец, для адекватного знакомства с эпохой Александра III и его преобразованиями настоятельно рекомендуется обращение студентов к литературе из рекомендуемого списка.

ТЕКСТЫ ДОКУМЕНТОВ

1. ПОЛОВЦОВ А.А. ДНЕВНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

[9 октября 1883 г.] ... Визит Валуеву, поселившемуся на скромной квартире в Галерной улице, но и на новом месте не забывающему старых общих мест. Заезжаю к Ковалевскому, чтобы сообщить ход университетского вопроса. Обед в клубе за отдельным столом. В 8 час. Собрание у Толстого. Вот сущность того, что было сказано.

Старицкий, изучив подробно проект, сожалея, что здоровье не позволит ему не только председательствовать, но, вероятно, и вовсе участвовать в обсуждении проекта, считает обязанностью заявить убеждение, что по коренным вопросам реформы возможно соглашение, которое обеспечило бы в стенах Совета большинство, столь желательное как в интересе авторитетности нового мероприятия в глазах юношества, которому предназначается, так и для облегчения государю возможности согласиться с большинством Совета. Переходя к существу этих вопросов, Старицкий сказал, что ни он, ни те члены Совета, с которыми он имел случай говорить, не только не противятся, но и вполне сочувствуют уничтожению университетской автономии, считая, что она оказалась несостоятельной, возвращение к уставу 1835 г. Не встретит препятствий. Что касается второго вопроса, вопроса о государственных экзаменах, Старицкий не считает возможным согласиться с предложениями по этому предмету. Экзамены эти, отделенные от университета, возникли в Германии, где жизнь университетов создавалась под совсем иными, чем у нас, условиями. Университеты образовались независимо от правительства, не пользовались правительственными деньгами, не состояли под правительственным контролем, и потому весьма естественно правительство, принимая на свою службу лиц, сочло нужным делать проверки их сведений, тем сведениям, кои считало необходимыми для государственной службы. Наши русские университеты в совершенно ином положении; они созданы правительством,

живут на счет правительства, профессора не что иное, как чиновники, занятые научным делом, теперь устанавливается вновь правительственный контроль, зачем же одновременно устанавливать внеуниверситетский экзамен. Если необходимо изменить к лучшему порядок экзаменов, то нельзя ли собрать комиссии в стенах самого университета из лиц, выбранных самим министром.

Гр. Толстой привел многочисленные доказательства тому, как ошибочны были ожидания тех, кои в 1863 г. Возложили на ученые коллегии университетских профессоров обязанность нести заботы администрации. Ученые, по его словам, не лучше детей, неспособных к управительной деятельности, столь отличной от трудов ученых. Переходя к экзаменам, *гр. Толстой* доказывал невозможность принятия предположения *Стояновского*, потому, главным образом, что если связать экзамены с курсовыми занятиями, то придется дать программы и планы занятий, а кто выработает такие планы и программы. Притом обязательное введение таких программ и планов низвело бы университеты на низшую ступень простых учебных заведений, это значило бы наложить руку на науку и уничтожить возможность появления у нас светил науки, подобно тому, как мы находим их в Германии.

Делянов. Настаивая на необходимости производить экзамены вне стен университета и притом с особенно торжественною обстановкою, приводил специальные случаи в доказательство неудовлетворительности теперешних порядков и называл имена таких людей, коих можно было бы назначить в экзаменационные комиссии.

Бунге. Утверждая, что едва ли кому бы то ни было так много приходилось экзаменовывать и вместе с тем самому выдерживать экзамены, засвидетельствовал на основании личного опыта, что экзаменаторов найти вовсе не так легко. Он, *Бунге*, по несколько дней приготавливался экзаменовывать собственных слушателей. Кто же пойдет в экзаменаторы и из каких побуждений? Опасаться следует, чтобы вновь проектируемые порядки привели к еще более, чем ныне, плачевным последствиям; понижения

ученого уровня в университетах стеснением свободы чтений и слушания Бунге также не опасается. Подвигаясь в жизни и в службе, Бунге находит, что из воспитанников Лицея и Училища правоведения легче найти полезных деятелей, чем из числа студентов, а приписывает это той умственной дисциплине, через которую их проводит учение.

Победоносцев всецело присоединился к мнению, высказанному Бунге, подтверждая его заключения и выводы своею профессорскою деятельностью. «Не имею я веры в Ваши экзамены, – повторял он *Дебянову*, – не найдете Вы вне стен университета нужного Вам контингента людей; то будут или отставные, на дело негодные преподаватели, или не знакомые с учебным курсом практики. Какая такая торжественная обстановка? Мы знаем, во что она в России выражается. Прочитайте обряд принесения присяги дворянами перед выборами». Опасение не видать в рядах профессоров светил науки *Победоносцев* также считает излишним; не в этом первенствующая забота, а в том, чтобы студенты учились и учились тому, что они должны знать.

Я. Ввиду разности мнений и вероятности уничтожения надежды на соглашения я поспешил высказать ту мысль, что мнения вовсе не так далеки друг от друга, как кажется. Уничтожение автономии принято единогласно, улучшение экзаменов признано всеми необходимым с тою разницею, что одни хотят учредить новые комиссии вне стен университета, а другие хотят иметь комиссии при самих университетах. Неужели по этому вопросу нельзя найти среднего термина?

Гр. Толстой возражал мне, что в деле принципов компромиссы невозможны. Я возражал, что речь идет о компромиссе не в сфере принципа, а на поприще его применения. В заключение поручено Бунге, *Победоносцеву*, *Старицкому* попытаться найти изложение, которое бы соглашало эти два мнения.

Публ. по:

Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря:

В 2 т. Т. 1. 1883–1886. М., 2005. С. 138–140.

2. [КАТКОВ М.Н.] ВОЗВРАЩАЕТСЯ ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО?..

II

Наступила, сказали мы, пора правительству возвратиться на свои места после долгого отсутствия, возвратиться к своим обязанностям вернее и лучше, чем когда-либо понятым. Это не есть только наше желание, – что значит наше желание? – этого ждет не дождется вся Россия. Кого, кроме воров, может испугать появление законного правительства во всеоружии своих обязанностей?

Испугалась, однако, между прочим, газета «Новости». Чего же эти господа испугались? Не к ворам же они себя причисляют. Они выдают себя поклонниками нового университетского устава. Но в чем отличие нового устава от старого? Не в том ли, что новый устав возвращает в университеты покинувшее их правительство? В этом все отличие нового устава, которому вы изволите радоваться. Если бы искренне радовались, то вам нечего было бы пугаться правительства и в других местах, где его присутствие не менее необходимо. Вы бесновались, когда новый устав был в проекте; нет лжи, которая не была пущена в ход, чтобы затормозить его, а теперь, когда проект стал законом, вы ластитесь и вилаете хвостом. Теперь вдруг вам понравился новый университетский устав – какое счастье для университетского устава! Но устав этот останется, без сомнения, мертвою буквой, если правительство не возвратится на все позиции, с которых сбила его фальшивая доктрина. Как же, в самом деле, правительству действовать, согласно своему призванию, на маленьких университетских оазисах при безвластии во всем остальном? Возможно ли, чтоб университетский устав был правдой, если вокруг рассадинок науки все останется под владычеством доктрины, упраздняющей государственную власть? Но вчерашние ругатели и нынешние хвалители университетской реформы, вероятно, и желают того, чтоб она осталась мертвою буквой. Им, быть может, так и нужно, чтобы реформа, которую они не могли предотвратить, замерла без последствий.

В каком положении застает наши университеты новый университетский устав? Одна московская газета, сходственного с «Новостями» пошиба, говоря о киевских беспорядках, объясняла, что в них виновата главным образом полиция, которая не приняла «надлежащих мер» к юбилейному торжеству университета. Вот до чего дошли университеты, брошенные правительством! Для того-то правительство и возвращается в университеты, чтоб они не нуждались в казаках и жандармах. Со всех точек зрения, и либеральных, и консервативных, кроме нечестных, нельзя не пожелать успеха в исполнении реформы, направленной явно к лучшему, а следовательно, нельзя не пожелать и того, чтобы правительство было по истине правительством и могло бы везде исполнять свои обязанности лучше и вернее, чем когда-либо поняты.

Какая функция должна, по смыслу нового закона, принадлежать правительству в жизни университетов? Прежде всего, надлежит ему собрать и взять в свои руки все, что имеет значение власти, и тем водворить в университетах мир и свободу академической жизни. В утверждении и обеспечении законной свободы состоит весь долг правительства во всех местах в благоустроенном государстве. В университетах, по смыслу нового закона, оно должно освободить профессора от товарищеской тирании, от гнета господствующей в коллегии партии, от интриг, насилующих его совесть. Оно должно положить конец неуместной в университетах игре партий, устраняя выборное начало и прекращая борьбу за власть в профессорских коллегиях. Оно имеет освободить учащихся от произвола преподавателей, обязывая студентов знать только то, что признается необходимым для избираемых ими профессий, все сверх того предоставляя свободе их любознательности. Оно должно освободить науку от всякой чуждой ей примеси, от всяких эгоистических интересов. Выбор профессоров, назначение университетских властей возлагает новый устав на личную ответственность министра, ничего не предоставляя случаю. Он обязывает правительство требовать, чтобы как учащие, так и учащиеся

исполняли свои обязанности соответственно прямому назначению университетов. Ставя профессора в независимое от коллегии положение и не стесняя его в преподавании, закон обязывает его иметь в виду неуклонно потребности слушателей и способствовать им в приобретении тех необходимых познаний, в которых они должны отдать отчет на правительственных испытаниях. Отменяется монополия факультетов. Независимо от штатных профессоров правительство имеет открыть и облегчить посторонним ученым доступ к университетскому преподаванию, обеспечивая их независимость от коллегии, возбуждая плодотворное соревнование между преподавателями и предоставляя студентам свободный выбор руководителей в своих занятиях. Кто же, в самом деле, кроме воров, будет пугаться правительства, когда оно возвращается с такою миссией? Будут ли правительственные органы на высоте своей задачи, будут ли они должным образом исполнять требования закона, – это другой вопрос, и это покажет нам будущее. Но таков смысл и таково направление реформы, против которой так бесновались наши либералы, превратившиеся в консерваторов и реакционеров, говоря их выражением.

Теперь спрашивается, почему реформа не должна идти в том же направлении и по всем отраслям народной жизни, где присутствие правительства не менее требуется? Почему правительство не должно повсюду исполнять ту же свою благотворную и освободительную миссию?

Есть у нас аномалия еще гораздо более грандиозная, чем профессорские коллегии, на произвол которых было брошено учащееся юношество. Что может быть чудовищнее той доктрины, которая властвует над нашими судебными учреждениями? По смыслу этой доктрины, судебные учреждения должны составлять сверху донизу самодержавную корпорацию, независимую от государства. Судебная корпорация, так же как и доселе университетские коллегии, сама себя пополняющая, не только не подлежит контролю правительства, но состоит в антагонизме с ним. Она простирает свою власть не только на несколько тысяч учащегося юношества, но на весь

народ и охватывает все интересы его жизни. Неужели такое положение может считаться нормальным? Неужели правительство должно оставаться безучастным по отношению к правосудию? Правильно организованный суд есть великое благо, и предпринятая в минувшее царствование судебная реформа была необходимостью. Но следует ли отсюда, что дело реформы должно на сделанном остановиться, и что законодательство не может исправить то, что после двадцатилетнего опыта оказалось ошибочным, дополнить недостаточное, разъяснить сомнительное и, во всяком случае, изгнать из судебных учреждений беса, ту ни с чем не сообразную доктрину, которая в них гнездится, извращая их деятельность, смущая умы, оскорбляя здравый смысл? Если бы наши либералы были не лже-либералами, и наши прогрессисты – не лже-прогрессистами, то как могли бы они протестовать против реформы, которая должна быть, несомненно, шагом вперед? Отчего по отношению к столь важным сторонам государственной жизни, каково, например, судебное устройство, они опять являются такими же неистовыми консерваторами, забыв свою кличку? Они могли бы иметь свое мнение об изменениях, в каких нуждается дело правосудия; но как могут они отрицать в принципе всякое изменение, хотя бы, несомненно, к лучшему? Владычество произвола всеми либералами осуждается, требуется законность, особенно в таком деле, как правосудие, протестуется против деспотизма. Но можно ли представить себе произвол более оскорбительный и беззаконие более вопиющее, чем те атрибуты, какие доктрина приписала нашим судебным установлениям? Суды, по смыслу доктрины, не должны стесняться законом в решении вопросов, касающихся собственности, чести, свободы, жизни людей; решения судебной корпорации безапелляционны, бесконтрольны и непоправимы; в действиях своих эта самодержавная корпорация безответственна; на ее произвол, кроме Бога, жаловаться некому. Возможно ли допустить, что члены этой корпорации не могут быть устранены от должности иначе как по решению самой же корпорации, и то только в случае формального преступления, что правительство никаким способом не может

поправить раз сделанную при утверждении в должности негодного человека ошибку – ошибку неизбежную при столь громадном персонале, как судебный? Если правительство, которому доктриной предоставляется служить лишь машиной утверждения судебных чинов, в числе которых могут быть люди, подобные попавшемуся в Варшаве Бардовскому, сделало ошибку, то какая мистическая сила должна сообщать ошибке неприкосновенную святость, и за что управляемые должны страдать от ее последствий? Такая доктрина столько же бессмысленна, сколько и возмутительна. Наши либеральные реакционеры, ревнуя о неприкосновенности судебных учреждений и боясь за господствующую в них доктрину, осмеливаются ссылаться на европейские государства, где эта доктрина якобы действует, испытанная многими веками. Везде, при всех формах правления, все власти подчинены одной верховной. Судьи, несменяемые для партий, которые борются между собою, чередуясь во власти, отнюдь не считаются несменяемыми пред законодательную или верховную власть. Нам проповедают нелепую доктрину, ссылаясь на авторитет Европы, в то самое время, когда во Франции, родине всяких доктрин, в том числе и несменяемости, было предоставлено министерству, по его усмотрению, разом сменить около тысячи судебных лиц по несоответствию их образа мыслей с государственным правом страны.

Напрасно будем мы искать по сторонам причины государственного расслабления и смут, которыми мы страдаем. Может ли быть страна здорова, когда в нее вбит такой клин, как судебные учреждения, с тою оскорбляющею здравый смысл доктриной, которая в них и практикуется? Неужели не было бы истинным прогрессом изгнать нелепость из такого важного дела, как судебное, оздоровить его и поставить его на свойственное ему место в государстве? Разве правительство в высшем смысле этого слова не обязано блюсти столь великий интерес, как правосудие? Разве не желательно возвращение его к этому священному долгу? Разве, и в самом деле, министр юстиции должен состоять только экзекутором при судебных учреждениях, а

не деятельным блюстителем правосудия? Разве прилично и достойно генерал-прокурору знаменоваться в своем лице бессилие правительства и не иметь другого способа действовать, кроме задних ходов? Разве не обязанность его следить за делами в высшем судебном установлении, как подчиненные ему прокуроры следят за ними в низших и средних инстанциях; разве не обязанность его протестовать против неправильных решений Сената, хотя бы и единогласных, и возводить дело со своим заключением в законодательном порядке на решение Верховной Власти? И разве возвращение министра юстиции к этой обязанности его, которая дает смысл его званию, не было бы улучшением судебной реформы? Разве возвращением страждущим дорогого права искать у Престола прибежища в чрезвычайных случаях не было бы улучшением, тем более существенным и важным, что с ним сопряжены достоинство и полнота Верховной Власти, согласно ее действительному значению в России, которое никакие доктрины не могут поколебать в убеждении народа?

Итак, почему же, господа наши прогрессисты и либералы, вас пугает возвращение правительства к его несомненным обязанностям не в одних университетах, но и в судах, и во всем, где совершается какое-либо отправление власти?

Система устранения правительства потребовала, чтоб оно отказалось от всякого дела, признавая себя ни к чему не пригодным. Самая администрация в ее разветвлениях по стране объявлена не делом правительства. Против *государства* выдвинута *земля*, а под землей на практике разумеется не земля, которую пахут, и не земля в переносном смысле народа, но учреждения 1864 года, именуемые земством, – громоздкий аппарат, который в продолжение своего двадцатилетнего существования дал хорошо почувствовать настоящей земле, то есть народу, только свою тяжесть и разорительность. Учреждения эти признаются за частные общества, но им в то же время предоставлена власть, которая везде признается только за государством, власть облагать податями население, распоряжаться общественными деньгами, выбирать

мировых судей, заведовать крестьянскими делами, народными училищами и пр., с притязанием отеснять ото всего государственное правительство, притязанием которое, благодаря доктрине, поддерживается и поощряется высшими государственными учреждениями. Наряду с так называемыми земскими учреждениями и в том же смысле поставлены городские думы. Все это называется местным самоуправлением. Правительственная администрация не знает, в чем заключаются ее обязанности, и с каждым днем теряет почву и умывает во всем руки. Главная пружина всякого управления – ответственность – перестала действовать. Всякое дело разорвано между многими разнородными и часто между собою враждебными учреждениями. Не к кому обратиться, негде искать суда и расправы. Крестьянство под гнетом кулаков мироедов разоряется и пропивается; землевладельцы бегут из своих имений, и если воры не страшатся отсутствующего правительства, то все находятся под страхом воров. Честного человека бояться нечего, а вор подожжет. Вора́м разного рода угождают и им мирволят не в одном деревенском быту, но и в интеллигентном обществе, выше и выше. Вот куда престиж власти переходит за отсутствием правительства!

Раздвоение между государственным правительством и местным управлением нигде не существует ни в принципе, ни на практике. В странах Европы, на которые нам указывают как на образцы, местное управление отнюдь не брошено на случайности выборов. Выбираются депутаты в законодательные собрания, но не в администраторы. В Англии все местное управление находится в руках людей известной квалификации, назначаемых правительством. Во Франции, как монархической, так и республиканской, управление точно также сосредоточено не в выборных учреждениях, но в правительством назначаемых администраторах. В Пруссии местное управление есть продолжение центрального, и живая сила его сосредотачивается в назначаемых верховною властью ландратах. Выборные учреждения не управляют, а служат только советом и помощью органам государственной власти. Разве, наконец, наши мировые посредники первого

призыва, которые вынесли на плечах своих крестьянскую реформу, из выборов произошли? Вот учреждение, которое оказало стране великую услугу; в нем, казалось бы, следовало искать организующее начало нового порядка в местном управлении, но оно было вскоре задушено, и на место его явились земские учреждения...

Теперь опять возбужден у нас вопрос о местном управлении, и, как говорят, так называемая Кахановская комиссия замышляет провести последовательно «выборное начало» и все окончательно подчинить ему. Но почему нашим доктринерам кажется, что управление, происходящее из выборов, есть дело очень либеральное, «субдительное суперфлю», как говорил гоголевский Ноздрев, желая сказать что-то очень хорошее? Результат выборов всегда есть дело партии. Разве либерально отдавать одну часть населения в управление другой? Разве это может назваться самоуправлением? Разве частный интерес, одержавший верх в выборной борьбе, представляет собою ручательство беспристрастия и справедливости? Разве в этой борьбе партий и своекорыстных интересов не должно по необходимости страдать и гибнуть общее дело, общая польза, общее благо, все те великие интересы, которые находятся на обязанности государственного правительства?

На этих днях в газетах сообщалось известие, что где-то в городской думе возобладала купеческая партия, которая постановила устранить все прежние ограничения касательно продажи вина. Мы не знаем силы этого постановления, и куда оно клонится. Но вот тоже на днях появившаяся иллюстрация того, как составляются на выборах партии: в Духовщине Смоленской губернии разбиралось на суде дело о подкупах на выборах. Искали виноватых, но истинно виноватым оказалось божество наших доктринеров – выборное начало. «Да так всегда бывает, – говорили на допросе крестьяне, удивляясь, что их спрашивают о таких обыкновенных вещах, – перед выборами нас угощают, а потом денег дают. Так и быть должно. Все давали деньги». По показанию свидетелей, дело шло о том, быть

ли помещичьим землям третьего разряда оцененным в 2 или 7 руб. десятина, а подсудимый Щербаков, купеческий приказчик, в свою очередь говорил: «Паны и попы деньги в земстве бесконтрольно тратят». Борьба шла, стало быть, о том, кому достанется тратить общественные деньги бесконтрольно. Дело поставлено так, что даже уклониться от борьбы почти невозможно: или вы, или мы; если *мы*, то мы ценим ваши земли вместо двух в 20 руб. десятина. Где огульное выборное начало, там и партии; где партии, там и борьба; а где борьба партий, там средств не разбирают.

Всякому законному интересу предоставить голос, сообразить его нужды с другими законными интересами и каждому дать возможное удовлетворение – это может быть делом только государственной власти, и следует желать лишь того, чтобы ее органы были поставлены в условия, вынуждающие и обеспечивающие верное исполнение этого долга. Предоставлять каждому в этом деле свободу – это хорошо, это должно; совсем иное – предоставлять частному интересу власть над другими, ставить партии на ножи и сильнейшей или хитрейшей отдавать побежденных на «поток и разграбление». Не было ли бы это возвращением к первобытному хаосу, из которого государство с трудом выработалось? Не этот-то хаос и хотели бы наши доктринеры возвести в принцип, на этом-то зыбучем грунте они и желали бы основать повсеместное управление в губерниях, уездах и волостях Российской Империи с возможно большим оттеснением государственной власти, которой затем осталось бы только уехать за границу.

В нынешнем году по поводу запрещения одного журнала от имени правительства было объявлено: «Некоторые органы нашей периодической печати несут на себе тяжкую ответственность за удручающие общество события последних лет; свободой, предоставленною печатному слову, пользовались они для того, чтобы проповедовать теории, находящиеся в противоречии с основными началами государственного и общественного

строю, и, как известно, проповедь эта, обращенная к незрелым умам, не оставалась бесплодной».

Да, всем известно, и все удивлялись бездействию правительства. Оно бездействовало, потому что отсутствовало; оставшиеся на местах его органы не считали себя в праве действовать и, мешаясь в понятиях, нередко находили вредное полезным, а полезное – вредным. С возвращением правительства должна оказаться возможность, с одной стороны, обеспечить свободу честного мнения, с другой – оградить от воров общество. Ежедневно раздаются по всей стране голоса неизвестных правительству людей, которым, однако же, от правительства дается полномочие заставлять весь читающий мир в один и тот же момент думать так или иначе о том или другом предмете, дается власть создавать общественное мнение и захватывать своим влиянием все классы общества и все возрасты, вторгаясь в дома и школы, преследуя людей на улицах. Это, несомненно, большая сила, и правительство, возвратившись на места, не может не озаботиться, чтоб эта сила, от него же исходящая, не употреблялась во зло. А зло состоит главным образом в систематической лжи. Не ошибки и заблуждения, свойственные людским мнениям, а систематическая ложь – вот где истинное зло. Это всегдашняя тактика людей, следующих девизу «чем хуже – тем лучше». Правительство обязано, несмотря ни на что, неуклонно и неослабно ограждать от нечестных тенденций массы, неспособные противиться развратительному действию систематической лжи.

Говорят, издатель «Новостей» из евреев. В наших глазах это не помеха быть честным публицистом. Появлялись в русской печати евреи, которые вели себя достойным образом. Мы помним, как в начале шестидесятых годов одесские евреи Рабинович, Пинскер, Соловейчик в своем органе «Сион» давали, в числе немногих русских публицистов, энергический отпор Кулешовщине, зловредному учению о *двух* русских народностях, и мужественно выдерживали табунный натиск тогдашних либералов. Времена переменялись: тогда Русское правительство еще не считалось упраздненным.

Издатель «Новостей» идет другим путем; он тщится опередить, если можно, «Голос» в тенденциозной лжи и перещеголять его в нахальстве. Его, по видимому, не удовлетворяет кличка либерала; он космополит. Но космополитическому руководителю русской публики следует знать, что в переводе на старинный русский язык космополит в делах своего государства значит попросту *вор*, конечно, не в нынешнем обыкновенном смысле этого слова. Если он думает таким путем освоить своих соплеменников с Русским народом, то окажет им плохую услугу. Или он полагает, что единоверцам его будет лучше, когда правительство уедет из России?

Публ. по:

Русский вестник. 1884. Т. 173. Октябрь. С. 854–863.

3. [АРСЕНЬЕВ К.К.] ГАЗЕТНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПРОТИВ УСТАВА 1863 г.

Туман, покрывающий в настоящую минуту будущее наших университетов, рассеется еще не скоро; плоды нового устава, каковы бы они ни были, будут созревать медленно и постепенно. Для надежд, как и для опасений, существует и долго еще будет существовать полный простор. Всего благоразумнее, однако, не увлекаться чересчур ни теми, ни другими – всего благоразумнее уже потому, что процветание и упадок университетов, как и всякого другого учреждения, зависит не от одного только регулирующего их закона. Эту простую истину многие забывают, относя все грустные, все темные стороны современной университетской жизни к уставу 1863 г. Топча его ногами, они упускают из виду, что через несколько лет, при стечении сколько-нибудь неблагоприятных обстоятельств та же процедура, с тем же новым правом, может оказаться применимой и к новому закону. «Университеты потеряли свою *автономию*, – читаем мы в одной газете, думающей, что она так же кого-то победила: – старые профессора этим недовольны, это понятно, но может ли это недовольство разделяться обществом? Решительно нет... Корпорация профессоров стала хуже, чистая наука несомненно пошла вниз, да и общественная нравственность людей высшей культуры в лице даже лучших профессоров оказалась несомненно униженною. Поощряла ли *автономия* таланты? Нет. Заставляла ли избранного ученого добросовестнее относиться к своим обязанностям, нежели относились к ним профессора-чиновники? Также нет. Наконец, создала ли она тесный кружок людей высшей культуры, гарантировавшей и высшую нравственность ее членов? И это нет. Никогда еще свинцовые седалища и терпеливые тупицы не пользовались ученым авторитетом в такой степени, как ныне. Никогда еще истинному, *живому* таланту не представлялось таких трудностей для получения кафедры, как теперь. Наконец, *совместительство* ученого звания с самым вопиющим гешефтмахерством, занятия университетских и иных профессоров учено-

литературными плагиатами и аферами, прямо направленными против общественной совести и кармана явили миру яркое доказательство того, что университетская автономия не делает профессоров ни умнее, ни честнее, ни лучше... Преподавательская профессура (*значит, есть профессура непреподавательская?*) – ремесло, имеющее свою нестерпимую рутину, о которой ходит и всегда и везде ходило столько забавных анекдотов. Раз выучившись, наш преподаватель-профессор теперь не может переучиваться, и потому он естественный враг развития науки. Отсутствие печатных трудов, принадлежащих профессуре, у нас поразительное». Если бы все факты, с такую беззастенчивую смелостью приводимые в этой тираде, были вполне справедливы, оставалось бы еще доказать самое главное – причинную связь между ними и университетской «автономией». *Post hoc* – еще не значит *propter hoc*; явления, обуславливаемые совокупностью общественных течений, свойственные в большей или меньшей степени целой эпохе, а не отдельному учреждению, не могут быть приписываемы какой-нибудь одной черте в организации этого учреждения. Никакое устройство университетов не в силах «гарантировать высшую нравственность культурного кружка», когда в обществе господствует поклонение золотому тельцу, когда старые идеалы исчезают, а новые еще не успели сложиться и окрепнуть. Говорят о «совместительстве», пустившем корни в профессорской среде; но разве оно не процветало еще более в других сферах, далеких от всякой «автономии», разве *назначенные* должностные лица реже пользовались его выгодами, чем выборные? Разве «аферы, направленные против общественной совести и кармана», составляли исключительное или хотя бы преимущественное достояние университетского мира? Сама газета, ратующая против побежденной «автономии», обвиняет наравне с *университетскими* профессорами и *иных*, – а эти «иные» стояли, во всяком случае, вне влияния выборной системы. «Наши университеты, – читаем мы в торжественной речи, произнесенной профессором Н.К. Ренненкампом на киевском юбилейном акте, – слились с русским обществом, составляют кость от кости

его, плоть от плоти его и, естественно, не могут не отражать в себе движений и характера жизни всего общества. Взгляните же на русское общество нового времени, вдумайтесь в внутреннюю его жизнь, припомните те тягостные явления, которые кружили голову и потемняли глаза людей даже зрелых, и скажите, справедливо ли выделять университеты и студентов из общей жизни и возлагать на них одних ответственность за общие ошибки и грехи?». Только у нас, кажется, необходимо объяснять очевидное, доказывать не требующее доказательств. Во всякой другой стране мысль, высказанная Н.К. Ренненкампом, показалась бы тавтологией; общим местом; только у нас приходится подчеркивать ее как полезный противовес бессмысленным и несправедливым обвинениям.

Мы допустили, на минуту, точность фактов, на которых основан обвинительный акт против университетской автономии. На самом деле это не факты, а нечто совершенно другое. «Чистая наука, – говорят нам, – несомненно пошла вниз». Итак, до 1863 г. Русская наука стояла выше, чем в настоящее время? Желательно было бы знать, к каким отраслям науки применима эта оценка? Естественные науки достигли в России такого развития, о котором двадцать лет тому назад нельзя было и мечтать; политическая экономия, юриспруденция, философия насчитывают теперь гораздо больше самостоятельных представителей, чем в дореформенное время; русская история может выдвинуть имена, достойные стать рядом с именами Костомарова и Соловьева. Между двигателями науки первое место занимают именно университетские профессора: достаточно назвать гг. Сеченова, Менделеева, Мечникова, Н. Грота, Посникова, Янжула, Чупрова, Ключевского и др. Эти имена, к которым можно было бы присоединить много других, отвечают и на обвинение в «отсутствии печатных трудов, принадлежащих профессуре». Если бы нам сказали, что у нас *вообще* мало появляется научных трудов, то с этим можно было бы согласиться; но вопрос поставлен вовсе не так – в непроизводительности упрекают именно *профессоров*. Чтобы подтвердить этот упрек, нужно было бы доказать, во-

первых, что большинство или по крайней мере значительная часть научных трудов, вышедших в России в последние двадцать лет, принадлежит перу ученых, не занимающих профессорской кафедры; во-вторых, что эти ученые не занимают ее по вине самоуправляющихся профессорских корпораций. И то, и другое едва ли кому-либо удастся. Можно, конечно, назвать несколько отдельных лиц, преждевременно оставивших университет и не прекративших своей научной деятельности; но причины, разлучившие их с кафедрой, не имеют, большею частью, ничего общего с уставом 1863 г. Некоторые из них вышли из университета еще до обнародования этого устава (припомним великий «исход» 1861 г.), другие – вследствие обстоятельств, от него независимых; узкости взглядов или мелким интригам и раздорам профессорских корпораций можно приписать разве весьма немногие потери университетской науки. Еще меньше найдется таких случаев, – если только они найдутся, – когда молодым «живым» талантам закрыт был самими университетами доступ к профессорской деятельности. Есть целые отрасли науки, по которым у нас работают почти исключительно профессора; назовем, для примера, всеобщую историю. Много ли исторических сочинений, написанных неуниверситетскими деятелями, можно поставить наряду с трудами гг. Герье, Лучицкого, Осокина, Трачевского, Петрова?.. «Свинцовые седалища», «терпеливые тупицы» возможны, даже неизбежны при всяком университетском строе; отменяемый теперь порядок благоприятствовал им, во всяком случае, не больше, чем какой бы то ни было другой. О преподавательской рутине, по сознанию самого обвинительного акта, забавные анекдоты рассказывались «везде и всегда»; что же удивительного, если некоторый их запас был пущен в ход и в последнее время? Пробным камнем порядка должен служить не низший, а высший уровень, достигаемый при его действии. С этой точки зрения уставу 1863 г. Нечего опасаться суда истории. Юридические факультеты в Петербурге и Москве, физико-математический факультет в Петербурге служат достаточно ярким образцом того, что было возможно при университетской «автономии».

Нам скажут, может быть, что последнее двадцатилетие не произвело ни одного Грановского, не выдвинуло на сцену ни одного профессора, который пользовался бы безграничным – и благотворным – влиянием на студентов; но такие люди, как Грановский, всегда являются редким исключением – да и неужели кто-нибудь станет утверждать, что Грановский был производением современных ему университетских порядков? Гораздо правильнее было бы сказать, что он действовал не *благодаря*, а *вопреки* этим порядкам, постоянно угрожая и до болезненности стесняемый ими. Едва ли, притом, второму Грановскому удалось бы создать себе в шестидесятых или семидесятых годах такое положение, какое занимал первый в сороковых и пятидесятых. Обстоятельства переменились слишком радикально, условия жизни до крайности усложнились, общепризнанный авторитет сделался почти невыносимым. Довольно уже и того, если между начинающими профессорами появляются даровитые люди, приобретающие уважение своих слушателей, способные распространить и укрепить между ними склонность к научному труду. В этом отношении особого внимания заслуживает группа молодых ученых, сложившаяся недавно в Москве и успевшая уже заслужить почетную известность. К сожалению, в ее среде слишком скоро образовались пробелы. Если верить слухам, ее ряды должны поредеть еще больше; в одном из периодических изданий появилась весть о выходе из университета, вместе с Н.С. Тихонравовым, А.Н. Веселовского и Н.И. Стороженко... Университетам противопоставляются «высшие учебные заведения специальных ведомств, с самого основания своего вполне находящиеся в руках официальных лиц, в то же время щеголяющие превосходным составом своих профессоров». О каких учебных заведениях идет здесь речь? Об институте инженеров путей сообщения, горном институте и т.п.? В таком случае необходимо иметь в виду, что здесь преподаются прикладные науки, чуждые всякой «политики». Что касается до высших учебных заведений, по характеру своему более близких к университетам (училище правоведения, Александровский лицей),

то лучшие их преподаватели всегда назначались из среды профессоров университета.

Мы не остановились бы так долго на ретроспективных ударах, направленных против уничтоженного порядка, если бы несправедливое отношение к последнему не проникало иногда за пределы сфер, вообще враждебных «автономии». В одной из газет, не участвующих в «торжестве победителей», мы прочли недавно следующие строки: «Ничто так не обличает ненормальности тех условий, в которых находились наши университеты и которые вызвали издание нового устава, как возможность одного предположения, что разные подпольные и темные¹ влияния оказались более ощутительными для студентов, нежели влияния профессорской корпорации и университетского начальства». Прежде всего необходимо заметить, что *возможность предположений* ровно ничего не доказывает и не «обличает». Предполагать можно что угодно и как угодно – но признавать значение и вес можно только за теми предположениями, которые соответствуют действительности. Слишком странно было бы судить об учреждении или порядке по тем выдумкам, к которым они дают повод. Допустим, однако, что в данном случае предположение не было лишено основания; оставалось бы еще доказать, что «ненормальность условий», послужившая точкой опоры для «подпольных влияний», коренилась именно в уставе 1863 г. Пока это не доказано, гораздо лучше было бы не делать опальный устав козлом очищения всех университетских и студенческих грехов, обуславливаемых самыми разнообразными причинами.

Публ. по:

Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. Кн. 10. С. 821–826.

---

¹ Речь идет о прискорбных событиях, омрачивших юбилейное торжество Киевского университета.

4. [ГОЛЬЦЕВ В.А.] НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ.

ПОЛЕМИКА ПО ЕГО ПОВОДУ

Было время, когда научное знание считалось опасным, когда думали, что может быть знание излишнее, что большинству не надо знать слишком много. Так, в нашей истории еще недалеко то время, когда из самых интересов изгоняли философию и изложение теоретической стороны права ограничивали скромными рамками «энциклопедии законоведения». Относительно женщин многие еще очень недавно держались мнения, что для них знать слишком много опасно и чуть ли не соглашались с мольеровским моралистом, который считал достаточным для них одно знание хозяйства. Католическое духовенство всегда признавало опасным для мирян знание богословское. У нас же всего два с небольшим века тому назад признавалось опасным даже и изучение астрономии.

Когда протопоп Лаврентий Зизаний представил патриарху ученое сочинение, которое хотел напечатать в типографии в Москве, то присланные от патриарха лица – игумен Илья и справщик типографии Гришка – предъявили Зизанию такие возражения: «У тебя в книге написано о кругах небесных, о планетах, зодиях, о затмении солнца, о громах и молниях, о тресновении, шибании и перуне, о кометах и прочих зверях, но эти статьи взяты из книги астрологии, а та книга астрология взята от волхвов эллинских и от идолослужителей». Зизаний ответил, что «написал он для знания: пусть человек знает, что все это – тварь Божья». Ему возражали: «Да зачем писал для знания? Разве это правда: говоришь, облака, надувшись, сходятся и ударяются, и от того бывает гром, и звезды называешь животными зверями, что на тверди небесной. Мы пишем и веруем, как Моисей написал, а животными зверями Моисей их не называл». – «Да как же светила движутся и обращаются?» – спрашивал Зизаний, и ему отвечали: «Ангелы служат, тварь вода».

Многие века научное знание «излишнее» считалось вредным сперва только с религиозной точки зрения, а впоследствии и с политической. Время

это окончательно миновало. Теперь, с какой бы политической точки ни смотрели на школу, никто уже не видит опасности в самой науке, и разноречие проявляется только в определении тех внешних условий, какими школа должна быть обставлена для лучшего, свободного и безмятежного исполнения своего призвания. Но призывом ее все уже признают сообщение учащимся возможно большего запаса научных сведений. Науку никто уже не думает ограничивать, а для успеха самого преподавания и изучения признается необходимым, чтобы они не были ограничиваемы в отношении научном, как бы ни определялось положение школы в отношении административном. Так, и в вводимом с начала наступающего учебного года новом уставе русских университетов, утвержденном 23 августа, положено в основу начало «академической свободы», хотя оно существенно видоизменяет прежние условия университетского устройства.

Характеристической чертой нового устава представляется устранение выборного начала в смысле решающем. Ректор и деканы прямо назначаются административной властью; относительно профессоров постановляется, что «при открывшейся вакансии профессора министр народного просвещения или замещает ее по собственному усмотрению лицом, удовлетворяющим указанным в ст. 99 условиям, или предоставляет университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утверждение» (ст. 100). Но министерство может и не утвердить избранного, предпочесть ему другого кандидата, избранного советом, или «заменить должность посторонним лицом, удовлетворяющим требованиям статьи 99» (ст. 103). Статья же 99 требует от профессора степени доктора. Приват-доценты обязаны испрашивать на открытие своих курсов согласие факультета, но если такого согласия и не последует, дело все-таки решается окончательно министром.

Таким образом, начало выборное является в новом университетском уставе лишь как вспомогательное, но не решающее. Дальнейшие проявления той же мысли представляются в передаче выпускных экзаменов в руки

экзаменационных комиссий, члены которых назначаются министром ежегодно (ст. 75), и в предоставлении попечителю округа несколько более непосредственного наблюдения в делах университетского управления.

Что бы ни говорили об изменениях, каким проект устава подвергся при обсуждении в Государственном Совете, главное, в чем этот проект удалялся от устава 1863 года, а именно устранение выборного начала от прежнего преобладания во внутренней жизни университетов, прошло вполне в состоявшемся законе.

Едва ли есть другой вопрос, который был бы так разработан в журнальной полемике, как вопрос об изменении университетского устава. «Московские ведомости» в течение более десяти лет изображали из себя Катона по отношению к Карфагену 1863 года. Ему посвящено было множество специальных статей, подписанных и неподписанных. Но, сверх того, «Московские ведомости», говоря даже о совершенно иных предметах, нередко возвращались, как бы невольно, к уставу 1863 г., повторяя свое *delendam esse*. Из петербургских изданий наиболее постоянное и живое участие в полемике по этому делу принимали «Голос» и «Вестник Европы», а в последнее время – «Новости». Все эти издания в свое время защищали прежний устав.

При этом главный пункт, на который устремлялось ратоборство с обеих сторон, и нападение, и защита, представлялся именно вопросом о большем или меньшем просторе для выборного начала, с которым связывается и вопрос о большей или меньшей самостоятельности университетов. Припоминая себе всю ту массу аргументов, какая перелетела через это средоточие боя и ныне покрывает все боевое поле, ставшее полем победы для противников 1863 года, и, обсуждая это дело хладнокровно, в связи со всеми другими сторонами нашей общественной жизни, мы не можем не признать, что обеими сторонами, участвовавшими в полемике, введено было в вопрос много преувеличений, на которые пора, наконец, указать.

Главной ошибкой обеих сторон было то, что обе они преувеличивали и степень действительного применения, и политическое значение выборного начала в русских университетах или хотя бы полной самостоятельности преподающего в них сословия. Об этих преувеличениях стоит напомнить как для того, чтобы трезво судить о том, что ныне сделано, как и для того, чтобы умерить торжество одной стороны и сетования другой.

Так, противники устава 1863 года в печати впадали в очевидное преувеличение, когда пытались усмотреть в нем чуть ли не причину самого нигилизма. Они рассуждали так, что молодежь совращается с пути ищущими популярности профессорами, а профессора эти образуют из себя клику, которая не допускает в преподавательское сословие ученых иного рода, популярности не ищущих. Популярность – по этому воззрению – приобреталась профессорами как соблазнительными поучениями, так и поблажкою учащимся на экзаменах. Стало быть, все на тот же взгляд, необходимо было, именно и прежде всего с целью политической, для пресечения распространения вредных идей сломить в университетах клику «популярничающих» профессоров ограничением выборного начала и отделением экзаменационной власти от преподавательской должности.

Такой взгляд включает в себя сцепление преувеличений и недоразумений, которые бросаются в глаза. Против предоставления профессорским сословиям полной самостоятельности и в пользу большего подчинения университетов надзору центральной административной власти должны стоять на первом месте аргументы более солидные, чем те, которые только что приведены нами. Несомненно, что во всяком сословном самоуправлении бывают случаи злоупотреблений, являются иногда примеры так называемой «камарадрии» или «консортерии» и без каких-либо политических целей. Достаточно указать на легко угадываемый и потому не требующий указания университет, в котором, по общему отзыву, наиболее ярко выступала именно «клика» совместителей. Но именно там-то клика

вовсе не составлялась из профессоров, ищущих популярности или уличаемых в превратных учениях.

Затем, что касается распространения антиобщественных анархических учений среди молодежи, несомненно, что особая восприимчивость ее к ним зависит, между прочим, от недостатка семейно-нравственного воспитания, от отсутствия нравственной солидарности в нашей семье и происходящей отсюда ее воспитательной немощи, от неустановленности даже в в интеллигентном нашем обществе того бесспорного наследственного инстинкта, который, истекая из народного сознания и преданий, только перерабатывался бы общеевропейскою культурой, но не стирался бы ею.

Не будем увлекаться в сторону этого важного вопроса, который отвел бы нас слишком далеко от предмета. Но напомним, что раз существует в умах восприимчивость, готовое поле для противообщественных учений, то учения эти могут распространяться среди университетской молодежи и совершенно независимо от того, какие в университетах профессора — ищущие популярности или не ищущие ее, избранные или назначенные. Конечно, говорить можно что угодно и обвинять кого кому любо. Но серьезно рассуждать нельзя иначе, как на основании фактов. И вот факты, обнаруживаемые всею массою политических процессов, показывают, что распространение анархистских учений происходит среди юношества посредством заграничных изданий и списков с них, а нет ни одного факта, который бы показывал, что совращение хотя бы одного юноши произошло от профессорских лекций или бесед. Кто когда-либо слышал, чтобы у нас профессор, будь он выборный и хоть самый падкий к популярности, проповедовал бы нигилизм? Смешно даже и подумать об этом. Да и к чему искать таких невероятных объяснений, когда самый образ распространения тех учений виден ясно, как на ладони? Понятно, что во всяком центре, где будут собраны тысяча или две молодых людей, всякое учение, к которому в них есть восприимчивость, будет распространяться успешнее, чем если бы

эти тысячи юношей были разбросаны по десяткам в мелких городах и селениях.

Итак, та сторона в полемике, которая относила нигилизм к профессорским лекциям, рассуждала совершенно несогласно с фактами. Никогда профессора не читали и не внушали нигилизма, и если бы даже все они со временем назначались, а не избирались, то это, все-таки, не будет лекарством против нигилизма. Восприимчивость молодежи не зависит от преподавателей, каковы бы они ни были; не зависит от них и то обстоятельство, что университеты являются сборными пунктами образованного юношества со всей страны.

Наконец, что касается тех рассуждений в некоторой части печати, которые выставляли государственный экзамен как средство против поправки учащимся со стороны все тех же профессоров, ищущих популярности, то и эти рассуждения не имеют ничего общего с фактами. Наоборот, замечательно, что как раз наиболее популярные профессора отличались всегда особенной строгостью на экзаменах, что – надо сказать к чести юношества, этой наиболее искренней и бескорыстной части общества, – никогда не вредило популярности, заслуженной знаниями и талантом.

Нет, повторяем, в пользу изменений в уставе 1863 года и даже ограничения выборного начала и отделения должности экзаменаторской от должности профессорской следовало приводить доводы более серьезные, более педагогические, более заимствованные из самого быта наших университетов, чем те натяжки свойства политического, о которых мы упомянули. Правда, газеты, ратовавшие за отмену прежнего устава, ссылались, между прочим, и на такие более специальные аргументы. Но, во-первых, ими одними, доводами чисто деловыми, и следовало ограничиваться, не примешивая несостоятельных натяжек и не ослабляя ими своей аргументации. А, во-вторых, нельзя было не заметить, что наиболее близки к сердцу этих публицистов были и наиболее важны им казались вовсе не профессионально-педагогические виды, но именно те политические

преокупации, которые не шли к делу и не могут привести к цели. Не могут по той простой причине, что никакой университетский устав не может дать средств к излечению того, что вовсе не зависит от университетского преподавания и чему в университетах может содействовать общение среди молодежи, но никак не профессорский почин, не такое или иное, но во всяком случае, явное, перед всеми открытое отправление преподавательской должности.

Против полной автономии университетов (которая, впрочем, никогда у нас и не существовала) можно ссылаться на чувствуемое в настоящее время повсеместное стремление к расширению функций государственной власти, к усилению ее контроля даже над деятельностью частных экономических обществ. Легко указать и на подходящие примеры в других государствах. Наконец, несомненно и то, что ход учения в наших университетах в действительности оставляет желать еще многого и что некоторые изменения, усовершенствования университетских порядков требовались с целями прямо педагогическими, а вовсе не посторонними – политическими.

И мы убеждены, что министерство народного просвещения, составляя проект закона, а Государственный Совет, обсуждая его и исправляя, руководствовались соображениями, истекающими из самого учебного дела, а вовсе не теми видами, какие навязывались этой реформе некоторыми органами печати. «Московские ведомости», например, могут сколько им угодно выставить изменение устава 1863 года как дело преимущественно политической важности, так как, по их словам, устав 1863 года был делом «некоей партии в правительстве, которая видела в нем свой палладиум», и так как тот же устав породил будто бы всякое зло, в том числе и нигилизм. Но ведь известно, что газета любит ставить вопросы более грозно и торжественно, чем сообразно с действительностью.

Преобразование университетского устава можно объяснить проще. Прежний устав действовал 21 год. В свое время он был успехом, но, конечно,

не был безусловным совершенством. Мы не хотим сравнивать достоинств того и другого устава, но должны признать, что устройство наших университетов все-таки оставляло желать еще многого, а, стало быть, был повод для нового законодательного почина. Главные действительные недостатки в нашем университетском быте – это, во-первых, масса незанятых кафедр, и, во-вторых, слабость научной работы среди большинства учащихся, за исключением разве медицинских факультетов.

Затем, вопрос о том, какими путями вернее можно достигнуть улучшений – усилением ли государственного надзора, уменьшением самостоятельности университетских сословий или, наоборот, предоставлением университетам еще большей самостоятельности, а учащимся – еще большего учебного простора – может быть решаем различно. Решение его зависит от того, какое начало мы вообще считаем плодотворнее – начало ли государственного почина и контроля или начало самоуправления. Во всяком случае, нельзя не признать, что усиление административного контроля, проведенное в новом уставе университетов, соответствует проведению того же принципа и разных других законодательных актах нашего времени.

При этом не можем не заметить в органах печати, споривших против усиления этого начала в уставе университетов, некоторой нелогичности, когда они в разных других сферах общественной частной деятельности всеми силами призывают увеличение почина, вмешательства и надзора со стороны государства и даже прямо защищают так называемый «государственный социализм», в силу которого государство призвано перерабатывать самые основания всего экономического быта народа.

Органы эти делают только четыре исключения: возможно большего самоуправления, полной самостоятельности, независимости от административного вмешательства они желают только для университета, суда, земства и печати. Все же остальное, даже распределение орудий труда и расселение людей по стране, они хотят сдать на заботу правительства. Но

жизнь государственная не идет такими зигзагами, и принципы, в применении своем, не знают кумовства, хотя бы оно внушалось самыми либеральными целями. Бывают эпохи, когда берет верх тот или другой принцип, но естественно, что то, что признается правдою в одной области, не может признаваться за неправду в другой.

Мы должны еще прибавить здесь, что органы, спорившие наиболее сильно и настойчиво против изменений в уставе 1863 года, также впадали иногда и в преувеличения. Если приведенный отзыв «Московских ведомостей», будто устав этот служил «палладиумом» какой-то «партии в правительстве», представляет не более, как одно из «красных словец» газеты, то надо согласиться, что органы противоположного мнения впадали в явное преувеличение, видя в самом деле в уставе 1863 года нечто вроде «палладиума» русских университетов и даже всего русского просвещения. Иностранец, который стал бы судить о положении дел по этой полемике, мог подумать, будто наши университеты доселе были вполне самостоятельные учреждения вроде английских, и что только теперь предполагается подвергнуть их административному надзору. Но кому известны общие условия нашей жизни, тот, читая страстную полемику между усердными хвалителями и завзятыми порицателями прежнего устава, не мог не применить к нему расиновского стиха:

... quil n'avait merite

Ni cet exces d'honneur, ni cette indignite!

Иными словами, ни действительной самостоятельности прежний устав университетам не обеспечивал, ни нигилизма он не создал и не распространял; все это преувеличения.

Мы сказали выше, что вполне мыслимо стремление внести улучшения в быт университетов как путем расширения самоуправления, так и путем усиления правительственного руководства, а потому и составление нового устава в последнем смысле нет необходимости объяснять чем-либо иным, кроме соображений, вытекающих из условий самого дела.

Так, в некоторых его определениях отражается прямо стремление к тому, чтобы устранить два главных недостатка университетского быта. Одни из этих определений направлены к умножению преподавательского состава, другие – к усилению учебных занятий студентов. К первым принадлежат: ст. 62, предоставляющая министру право определять в университеты профессоров сверхштатных из лиц, известных своими учеными трудами и имеющих необходимую ученую степень; ст. 64, которая воспрещает одному преподавателю занимать две кафедры; ст. 68, которая позволяет, однако, профессору объявлять курсы и практические занятия, сверх преподавания по занимаемой им кафедре, по другим предметам; наконец, ст. 109 и следующие, которыми учреждается должность приват-доцентов. Приват-доцентами могут быть лица, имеющие ученые степени, или выдержавшие магистерский экзамен, но еще не защищавшие диссертации, а, сверх того, профессора других учебных заведений.

Меры, предназначенные к усилению учебных занятий студентов, согласно с общим духом устава, заключаются в умножении проверки. Изложим вкратце, как новым уставом определяются и обуславливаются испытания. Выпускные испытания производятся, как уже сказано выше, в особых экзаменационных комиссиях, председатели и члены которых ежегодно назначаются министром, а остальные испытания производятся в факультетах. К испытаниям в комиссиях допускаются только такие студенты, которые предъявляют выпускное свидетельство, выданное им факультетом. Для получения этого свидетельства требуется, чтобы студенту было зачтено восемь учебных полугодий (по медицинскому факультету – десять), а зачисляется ему только такое полугодие, в течение которого он выслушал число лекций не меньшее установленной правилами нормы, подвергаясь установленным поверочным испытаниям, и участвовал в практических занятиях. Министерство определяет особыми правилами весь этот порядок поверочных предписаний и вообще условий для зачета учебного полугодия. Вообще, правила об испытаниях утверждаются министром и им же

изменяются. При этом надо отметить, что в ст. 79, определяющей формальности для допущения к экзамену в комиссиях, упоминается о представлении, сверх выпускного свидетельства от факультета, еще и иных документов, какие могут быть потребованы правилами. Упоминаем об этом обстоятельстве лишь мимоходом, так как оно, очевидно, касается условия, стоящего уже вне собственно учебного достоинства кандидата.

В факультетах же производятся, во-первых, поверочные испытания, о которых только что сказано; во-вторых, испытания на ученые степени и состязательные – на стипендии. Ученых степеней по всем факультетам, кроме медицинского, полагается только две: магистра и доктора. Ученая степень кандидата отменена и выдерживающие успешно окончательное испытание в комиссии получают дипломы первой или второй степени, сообразно успехам, вместо прежнего деления на кандидатов и действительных студентов.

Постановления, которые мы только что изложили, можно считать целесообразными или нет, но целью они, несомненно, имеют исправление двух главных недостатков в нашей университетской жизни; они направлены к пополнению сословия преподающего и к усилению учебной работы в среде учащихся. Стало быть, повторяем это еще раз, достаточно одних соображений, вытекающих из самого учебного дела, чтобы объяснить новый устав, и нет нужды прибегать к тем мудреным и призрачным политическим объяснениям, на которых, главным образом, выезжали обличители прежнего устава в печати. Так или иначе, будут производиться экзамены, и даже будут ли ректоры, деканы и профессора по выборам или по назначению, что общего может это иметь с поражением какой-то «партии в правительстве»? А при реальном могуществе правительства, какое дается у нас единением с народом и выражается во всех законах, о каком же «палладиуме» партии может быть речь и не странно ли представить себе, что подобным палладиумом мог бы служить устав, определяющий порядок назначения университетских профессоров и производства экзаменов?

Оставаясь в рамках самого учебного дела, мы должны признать, что в новом уставе вполне логично проведена общая мысль об исправлении недостатков – усилением правительственного почина, надзора и проверок, которые являются средством контроля. И теперь, когда подобные правила о поверочных испытаниях и т.д. еще не составлены, достаточно указать на статьи устава, и из них уже само собою вытекает предположение, что исправное посещение лекций по всем предметам курса будет не только обязательно для студентов, как было и доселе, но будет отмечаться, и что репетиции, практиковавшиеся доселе в университетах лишь некоторыми профессорами и не составлявшие обязательной формальности, впредь будут введены по всем предметам и станут условием допущения к экзамену. Затем, оправдается ли ожидание, что усиление формального надзора за ученьем поднимет уровень учебных занятий в университетах – это может показать только будущее.

Выше мы упрекнули некоторых из наших братьев за то, что они дело учебное ставили по преимуществу на поле политических преокупаций, по большей части призрачного свойства. Но мы готовы согласиться, что и для них есть некоторые извинения. Дело в том, что уже давно самые обстоятельства подали наружный повод сдвинуть наш университетский вопрос на эту несвойственную ему почву.

Публ. по:

Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1884. Кн. X. С. 106–114.

5. ДНЕВНИК В.Н. ЛАМЗДОРФА

[28 января 1889 г.] Поднявшись около 11 часов к своему министру, нахожу его все еще больным, и это меня беспокоит; он, тем не менее, собирается ехать в Государственный Совет и не считает возможным отклонить полученное от великой княгини Екатерины приглашение на обед.

Сегодня Цанков был принят государем.

Возвращая мне сегодня вчерашний № «Гражданина» от пятницы, 27 января, газету, которую я ежедневно даю министру, последний обращает мое внимание на любопытную передовую статью, озаглавленную «Голос уездного предводителя». Автор ее стремится доказать, что с учреждением, согласно проекту Толстого, участковых начальников мировые судьи должны бы быть упразднены или поставлены в новые условия. «Может ли будущий участковый начальник, столь нужный для водворения порядка в уездной жизни, существовать рядом с мировым судьей?». На это он (уездный предводитель) отвечает: «Нет, не может». Г. Гирс думает, что эта статья внушена сверху и может быть рассматриваема как предвестница частичного, если не постепенного, упразднения судебной реформы 1864 г. Я напоминаю министру, что государь не раз высказывал мысли, дававшие возможность предвидеть подобное решение. Знаменитое письмо Сабурова, передававшее 3/15 апреля 1881 г., несколько недель спустя после восшествия на престол его величества, данную князем Бисмарком оценку внутреннего положения России, государь возвратил тогда министру со следующей длинной пометкой: «Дайте прочесть это письмо гр. Лорис-Меликову. – Это до того верно и справедливо, что дай бог, чтобы всякий русский, а в особенности министры наши, поняли наши положение, как его понимает князь Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом».

Вышеупомянутое письмо Сабурова так рисовало положение: прежде чем думать о дальнейшем развитии произведенных в прошлое царствование реформы, нужно, чтобы к самодержавной власти опять вернулся ее престиж, и чтобы всегда чувствовалось ее присутствие и ее деятельность. Россия –

лошадь, которой надо в настоящее время дать почувствовать узду хозяина; он прибавлял, «что в Германии общество было чрезвычайно поражено необыкновенными стараниями, направленными к тому, чтобы судопроизводство во время политического процесса велось вполне легально, что дало возможность обвиняемым публично развивать свои доктрины и выставлять себя мучениками». – «Законность нас убивает».

В другой раз, два года тому назад, во время инцидента с Мартенсом, государь опять высказал министру свое убеждение в том, что судебные учреждения красны, революционны и вредны. Таким образом, его величество постоянен и последователен. Г. Гирс говорит, что твердость эта бывает иногда благодетельна, как, например, в вопросе о сахаре, где государь также стал на сторону меньшинства, и который, между прочим, получил правильное разрешение.

Министр мне рассказывает, что великие князья, он, Ванновский, Воронцов-Дашков, Сокольский и большая часть Государственного Совета высказались против проекта Толстого, и что меньшинство, состоявшее из нескольких голосовавших за проект министров, втайне при последующем обсуждении отдельных статей намеревалось сделать его невыполнимым. Государь утвердил мнение графа Толстого и меньшинства, и это можно было предвидеть, судя по тому, как держал себя министр внутренних дел во время заседания; он закончил свою речь, произнесенную, впрочем, с большим трудом, заявлением: «Я чувствую себя призванным, я должен провести эту реформу».

Публ. по:

Дневник В.Н. Ламздорфа (1886-1890) / под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна.

М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С. 110–112.

6. КУЛОМЗИН А.Н. КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Настоятельно требовал своего решения вопрос об упорядочении крестьянского управления. Действительно, с упразднением еще в царствование Александра II мировых посредников они были заменены неперменными членами уездных по губернским делам присутствий, по одному на уезд вместо 4–6 мировых посредников. Отлично помню, как рассматривался в Государственном совете проект введения этих неперменных членов (я уже служил в то время в С.-Петербурге) и как все опасались, как бы чины эти не выродились в дореформенных чиновников Министерства государственных имуществ для наблюдения за казенными волостями, оставивших по себе весьма печальную память. Под гипнозом этого страха, вновь проектированные неперменные члены и лишены были единоличной власти. По поводу каждого усмотренного ими в том или другом волостном правлении злоупотребления эти должностные лица вынуждены были испрашивать разрешения уездного присутствия на привлечение подчиненных им лиц к суду или о наложении на них административного взыскания. Последствием этого порядка было накопление в волостях всякого рода правонарушений, растрат казенных сумм и т.д. Следственные производства по этим беспорядкам загружали судебных следователей, а возбужденные судебные дела годами ожидали своего разрешения. Необходимость создания в деревнях порядка в интересах самих крестьян была очевидная. Задумана была должность земских начальников, с назначением из числа местных дворян-землевладельцев, в качестве лиц, известных населению. Когда проект этот дошел до Государственного совета, то в реакционных кругах, руководимых гр. Толстым, зародилась мысль воспользоваться этим случаем, чтобы сломить давно ненавистную самостоятельную мировую юстицию. Под предлогом, неоднократно выставлявшимся у нас, когда желали провалить ту или другую реформу, что для занятия вновь проектированных должностей не найдется достаточного числа местных жителей, представляли государю, что для одновременного

замещения должностей мировых судей и земских начальников не хватит живущих на местах дворян, удовлетворяющих законом образовательному цензу, и добились решения придать земским начальникам судебные функции, с упразднением мировых судей.

С жестоким сарказмом относится Бунге в своей записке к этой затее. Он указывает на то, что гр. Толстой не знал подробностей представленного им проекта. Упрек этот был совершенно справедлив, как мне тогда же было известно из верных источников. Облеченный безграничным доверием государя, он не давал себе труда вникать в детали подносимой ему стряпни. Но спрашивается, какой добросовестности можно было ожидать от человека, который, будучи, по собственному признанию «философом», покусился на должность обер-прокурора Св. Синода. Признавая необходимость приблизить власть к населению, Бунге указывает на то, что «не было смысла превращать эту должность в дворянское учреждение, когда оно должно было ведать исключительно только дела, касающиеся дворян. Кто мог разобрать дела между местными дворянами как не дворянин, а гр. Толстой, требуя, чтобы дела между крестьянами разбирались непременно потомственными дворянами, допускал разбор дел между дворянами в окружном суде судьями, которые могли быть и не из дворян. Затем, продолжает Бунге, участковые земские начальники не удовлетворяли и общей местной потребности во власти, поставленной над всеми сословиями. В этом отношении идея гр. Толстого, что местные дворяне не должны подчиняться местному управлению, состоящему из тех же дворян, и составляет не только странность, но и ошибку, что реформа лишила дворянина против дворянина тех средств защиты, которые были даны дворянину против крестьян. Превращение должности этой в дворянскую привилегию противоречило всем прежним примерам нашей истории: Меншиков, Безбородко, Разумовский, Сперанский не заслуживали бы, по мнению гр. Толстого, чести быть земскими начальниками. Опыт вскоре показал, что в некоторых уездах не нашлось даже достаточного числа дворян, а в других пришлось остановиться

при назначениях на “недорослях”, не удовлетворяющих даже самым скромным требованиям образования».

Таким образом, одним взмахом пера земские учреждения были лишены принадлежавшего им права избирать своих судей, а у местной юстиции, благодаря обращению земских начальников в должностных лиц министерства внутренних дел, была отнята самостоятельность – коренное условие доверия населения. Многие из бывших мировых судей отошли в сторону, не желая поступать в подчинение губернаторской власти. Пришлось назначать на указанные должности сперва отставных офицеров, совершенно не подготовленных к несению своих обязанностей, потом готовить кандидатов при Министерстве внутренних дел. Во всяком случае, это были не местные люди.

Публ. по:

*Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания /
сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева.*

М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 361–362.

7. МЕЩЕРСКИЙ В.П. МЫСЛИ О ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ

Если, как я писал выше, много понадобилось со стороны правительства энергии, труда и настойчивости, чтобы провести закон об учреждении земских начальников, то, пожалуй, еще большего труда и энергии требовалось для проведения этого нового учреждения в жизнь. И если в Государственном Совете большинство членов, под давлением нескольких доктринеров-либералов, высказалось против нового учреждения в том виде, в каком оно было начертано в проекте графа Толстого, и потребовало изменения его в смысле ограничения власти и компетенции будущих земских начальников, то само собою разумеется, что когда началось введение этого учреждения в том виде, в каком оно было радикально изменено личной волею Императора Александра III, оппозиция в интеллигенции и в большей части органов печати, в пределах возможного, накинулась на это учреждение с особенною страстностью и, как всегда, с особенным желанием даже не задумываться над благими сторонами этого учреждения. Главное, с чем эта оппозиция не могла мириться, составляли следующие гриефы (русского слова не подберу): 1) упразднение излюбленного либералами учреждения мировых судей в уезде, 2) соединение с административною земскою властью судебной власти по делам гражданским и уголовным, и 3) требование, чтобы земские начальники назначались из местных земельных дворян.

Появление этой оппозиции во имя вышеозначенных трех причин нельзя было не назвать печальным знамением времени, так как она слишком явно была недобросовестна, ибо из-за чисто либеральных теоретических и отвлеченных соображений, не оправданных ни одним практическим и жизненным аргументом, как в Государственном Совете при обсуждении проекта, так потом, при его введении в действие, в печати, оппозиция знать не хотела тех жгучих нужд деревни в России, которые столь убедительно показывали, насколько учреждение земских начальников удовлетворяло именно эти жгучие нужды. Главнейшею из этих нужд была полная беспомощность крестьянского населения, обреченного прозябать между

гнетом над ним безответственной полиции и еще более сильным гнетом безответственного мирового судьи, доходившим в то время до таких чудовищных размеров, что зрелище половины населения, по суткам ожидающего на улице вызова к суду по делу самому пустому, в рабочее время или в морозный зимний день, стало обычным явлением в уездной жизни. До нужд и страданий десятков миллионов крестьянского населения оппозиции либералов не было дела: пускай они будут миллионами беззащитных и бесправных рабов, лишь бы не был допущен антилиберальный принцип слияния судебной и административной власти в одном лице и лишь бы не было дворянство средою, поставляющею таких представителей *варварской тирании о двух властях*.

Вот тут-то и пришлось оценить личность такого министра внутренних дел, каким был граф Д.А. Толстой. Твердо убежденный в необходимости для крестьянского населения такого учреждения, как земский начальник, близко поставленный к его нуждам, граф Толстой ни малейшим образом не смущался оппозицею в печати и энергично проводил учреждение. И вот тут-то, глядя на энергию и железную настойчивость в исполнении воли своего Государя, не взирая ни на что, еще раз пришлось сознать, как мудр был выбор Александра III, остановившийся на гр. Толстом, когда так легко было прислушаться к голосам того большинства, которое в Государственном Совете явилось противником учреждения земских начальников, и остановиться на одном из того большинства. И тогда Бог весть что стало бы с крестьянским миром!

Твердость и энергия гр. Толстого с первой минуты начала введения нового учреждения обеспечивали ему успех, и мы все могли видеть, что как ни воображали себя сильными элементы оппозиции, стремившиеся уронить и дискредитировать новое учреждение с самого первого шага, энергия и твердость гр. Толстого оказались куда сильнее, ибо волшебным образом проникли собою почти всех губернаторов и почти всех предводителей дворянства, с одной стороны, а с другой стороны, и дворянскую среду во

многих губерниях; и в провинции, в ответ на усилия интеллигенции и левой печати расхолодить умы и унижить новое учреждение, по выражению одного губернского предводителя дворянства, почуялся как бы заговор всех представителей элементов порядка к наилучшему осуществлению нового учреждения.

Настала историческая минута, напомнившая минуту 1861 года, когда все свободные и лучшие личные силы земельного дворянства вступили в ряды мировых посредников, но, увы, с тою разницею, что за истекшие 28 лет земельное дворянство могло дать только остаток своих местных личных сил. Тем не менее, во многих губерниях предводители дворянства оказались в состоянии завербовать нужное количество земских начальников, между которыми большинство оказалось способными вести новое дело и принялось за него с таким же патриотизмом, с каким их отцы принялись за дело уставных грамот. За эту работу принялись представители всех возрастов, и я лично имел случай познакомиться с такими почтенными земскими начальниками, которые были мировыми посредниками первого призыва. Разумеется, этот успех введения учреждения земских начальников – успех не бумажный, а жизненный, о котором свидетельствовали несколько месяцев спустя сами крестьяне, благословлявшие царское имя за то, что Царь им дал честных и любящих их защитников и радетелей об их нуждах, вызвал в интеллигенции и в либеральной печати усиленные на земских начальников нападки и обычное применение подлого приема пользоваться выживаемыми отдельными случаями неудачного назначения земского начальника, чтобы позорить все учреждение и всех его представителей. А между тем, сведения с мест жизни ярко обнаруживали всю наглую ложь и недобросовестность нападок на новое учреждение, так как из разговоров с крестьянами выяснилось, что две главные причины побуждали их относиться к земским начальникам с доверием и благодарностью к Государю: первая причина была именно та, против которой ополчались так патетически либеральные отцы отечества в Государственном Совете при обсуждении

проекта о земских начальниках и в союзе с ними либеральная и ультралевая печать, – соединение судебной деятельности с административною, а вторая причина заключалась в том, что земские начальники большую часть времени посвящали объезду селений своего участка и разбирали жалобы и споры на местах, избегая, елико возможно, призыва крестьян в свою камеру.

Но то, что было с учреждением мировых посредников первого призыва, то, к сожалению, повторилось с учреждением земских начальников: его золотой век продолжался недолго. Кончина графа Толстого, поразившая и Царя, и Россию, должна была отразиться и на его детище, учреждении земских начальников, так как в нем был главный нервный узел, руководивший учреждениями; и хотя преемник Толстого И.Н. Дурново старался быть твердым продолжателем заветов и взглядов своего предшественника, но он не мог быть ни умом, ни волею, ни энергиею, ни твердостью графом Толстым, и нервный узел, руководивший земскими начальниками, не мог не ослабевать. Об этом скажу дальше, хотя здесь утверждают, что, все же, несмотря на то, что учреждение земских начальников с течением времени стало портиться, его крепкое и умело поставленное близко к народу учреждение осталось, при всех своих недостатках, учреждением не только полезным, но нужным крестьянскому населению, и те, которые силятся его упразднить или преобразовать по шаблону чиновничьему, несомненно, хотят работать в пользу разрушения единственной прочной опоры государства – крестьянства.

Противники учреждения земских начальников как тогда, так и теперь были между социалистами и интеллигенциею и между высшею бюрократиею. Первым если не Бог, то сатана велел быть врагами учреждения, которое призвано было ввести порядок в деревне и внушить крестьянину доверие к представителям власти, близкой ему разумом и сердцем, и которое таким именно оказалось; но как объяснить себе, что и тогда могли быть, и теперь противниками этого учреждения могут быть не только царские сановники, но царские министры, после истекших 22 лет, в

течение которых угрожавший России страшнейший деревенский бунт в 1904 и 1905 гг. оказался неосуществимым только благодаря учреждению земских начальников? Этого объяснить никто не может иначе, как их легкомыслием и неимением из-за бумажного дела времени вдумываться в сущность и в подробности государственного вопроса. И если тогда, в 1904 и 1905 гг., когда начались деревенские мятежи, было для всех несомненно, что, благодаря уцелевшему, по твердой воле Сына Александра III, учреждению земских начальников против попыток к его уничтожению, мятеж в деревне мог быть скоро потушен и ограничен, то столь же несомненно, что и в настоящее время, если та же твердость Царя не отстоит это учреждение уже против более решительной попытки его изуродовать и свести к нулю со стороны коалиции министерства юстиции с Государственной Думою посредством проекта местного суда, – весь крестьянский многомиллионный мир уже никем не будет защищен и ничем не огражден от возможности чудовищных мятежей.

Скрытые составители проекта министра юстиции – реформы местного суда – этого и хотят, но сомнительно, чтобы Царь в 1911 или в 1912 году захотел допустить то, что Он столь мудро и твердо не допустил десять и шесть лет раньше.

Публ. по:

Мещерский В.П. Мои воспоминания.

Ч. III (1881 – 1894 гг.). СПб., 1912. С. 326–332.

8. ГОЛОВИН К.Ф. ВВЕДЕНИЕ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ. ХАРАКТЕРИСТИКА РЕФОРМЫ

Лето 1889 года увидало, наконец, местную реформу осуществленную после семилетнего обсуждения. Нельзя сказать, чтобы это обсуждение пошло ей на пользу. Земские начальники появились на свет с заранее установившейся дурной репутацией. Предугадывали, что они сделаются низкопоклонниками губернаторских канцелярий, и многие, вполне годные элементы, отстранились вследствие того от новой должности. Пример Елецкого уезда, где первый состав земских начальников был поистине блестящ, нашел себе мало подражателей. Провинциальная молодежь, которой всего естественнее было бы пополнить собою личный состав новых судей-администраторов, осталась лишь в меньшинстве. Того, что напророчили и пресса, и всякого рода зловещие предсказатели, вовсе, однако, не случилось. Ни особого заискивания перед администрацией, ни особого зла от соединения в одном лице контроля над крестьянским самоуправлением и местной судебной власти, в действительности не оказалось. Нельзя сказать, чтобы особенно часты были и случаи обвинений земских начальников в произволе. В печати очень часто повторялось, что смешение двух разнородных функций будет иметь непременно последствием преобладание административной точки зрения над судебною, словом, господство усмотрения и произвола. Но оправдалось это сравнительно в редких случаях. Великая тень Монтескье, правда, могла обидеться несоблюдением одного из руководящих принципов его книги. Но что делать? В мелочной лавочке уездного города поневоле должны продаваться товары самые разнообразные: конфеты и папиросы, сапожная вакса и дамские ботинки. Даже в богоспасаемом городе Киеве была открыта продажа «хомутов и других съестных припасов». Но все это необходимые последствия недостатка в свободных капиталах, не позволяющего открывать лавки на всякую специальность, и недостатка в покупателях, делающего

барыши торговца очень сомнительными. На низшей инстанции суд и администрацию приходилось соединять в одном лице, потому, главным образом, что местный персонал был слишком малочислен для двух параллельных должностей. И то пришлось на практике отказаться от условий, поставленных законом 10-го июля 1889 года для занятия должности земского начальника. Ни владение земельной собственностью в данном уезде, ни принадлежность к дворянству, ни ценз по образованию не сохранили безусловной обязательности. В конце концов, губернаторам предоставлено было, в случае нужды, – а нужда это повторялась часто, – назначать земских начальников из таких лиц, которые всем этим условиям не отвечали. Вследствие этого почти четверть общего состава земских начальников набиралось из военных, вынужденных искать отхожего промысла, где можно было обходиться без образования, даже среднего. Для этих людей новый институт стал манной небесной, и ради них этот институт был почти с самого начала искажен. Приходилось отступить от основной идеи, согласно которой местную службу должны были отправлять местные люди. По всей вероятности, подавляющее большинство случаев, где наблюдалось превышение власти, и где прямо был нарушен закон, относилось именно к земским начальникам со стороны, не обремененным юридическими познаниями, но зато страждущим от безденежья. Впрочем, когда речь идет о личном составе в две тысячи человек, никакие обобщения не возможны. Никто, конечно, не может похвалиться, что им произведен верный подсчет хорошим и плохим земским начальникам. Даже в земском отделе едва ли такой подсчет не ведется лишь формально.

Все это, конечно, очень жаль. В подражание прусским ландратам и английским мировым судьям, это подражание не было осуществлено. Отчасти, конечно, по вине тех случилось это, которые от новой должности уклонялись. К такой беде присоединились две другие. Чтобы сохранить ведомственное единство при двойственной деятельности земских начальников, апелляционная инстанция и для судебных дел была не чисто

судебного свойства и, в конце концов, истцы и ответчики принуждены были искать высшей справедливости у чиновников министерства внутренних дел. В то же время у самого населения было отнято орудие, позволявшее ему прежде отделяться от непригодных мировых судей: через каждое трехлетие эти судьи подвергались переизбранию. Теперь, наоборот, население никак не могло избавиться от непригодного земского начальника. Плохой исполнитель новой должности, производящий шемакин суд, мог неопределенное время просидеть на шее у местных обывателей. Опасались, как бы новые должностные лица не попали под команду чиновников особых поручений и не слетали с места по их капризу. А в действительности, губернаторы охотно уклонялись от неприятного контроля за ними и давали им сидеть на месте до последней крайности. Но в конце концов, если бы все лучшее из уездной молодежи, по крайней мере, в чисто земледельческой полосе, заняло места земских начальников, едва ли пришлось бы на вновь учрежденную должность особенно сетовать. Нельзя даже сказать, чтобы новый персонал повсюду разнился от прежнего личного состава мировых судей. Мне известен уезд – *nomina sunt odiosa* – где все первые земские начальники оказались бывшими мировыми судьями. И как раз в этом уезде все четверо земских начальников оставляли желать многого. Совсем не основателен и теоретический упрек, часто делавшийся по закону 10-го июля, – упрек, будто надзор за сельскими сходами тяжело стеснял крестьянское самоуправление. Так говорить это можно людям, видящим в самоуправлении какой-то безупречный идеал и потому воображающим, что ошибаться сельский сход не может, поелику в нем содержится кладезь мудрости. На самом деле, этот кладезь – увы! – очень доступен убедительному красноречию зелена-вина. Нередки случаи поистине невероятных постановлений схода, где попирается не только писанный закон, но здравый смысл и, главное, существенные права частных лиц. Либералы-доктринеры сплошь и рядом воображают, что стоят за автономию сходов, не подозревая,

что от этой автономии солоно приходится зависящим от нее людям. Из-за самоуправления эти господа не видят самоуправляемых.

Публ. по:

Головин К.Ф. Мои воспоминания.

Т. II (1881–1894 гг.). СПб., 1910. С. 182–186.

9. ХРОНИКА РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

После того, как в 1881 году оборвалась в нашем журнале «Хроника русского законодательства», «Юридическому вестнику» не приходилось уже возобновлять непрерывного обозрения текущих законодательных актов. И в настоящее время мы не претендуем на выполнение подобной задачи. В наши цели вообще никогда не входило давать читателю в названной области сколько-нибудь полный справочный материал: при стремлении к такой цели трудно было бы обойтись без перепечатки законодательных текстов, без того так часто перепечатываемых в массе различных изданий. Но время от времени возникает потребность высказать те или другие мысли по поводу текущих событий современной государственной жизни. Характер современного русского законодательства достаточно определился за последние восемь лет. В августе 1881 года появился первый крупный законодательный акт нынешнего царствования: «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»; в июле 1889 года утвержден закон о земских участковых начальниках вместе с другими, связанными с ним, законоположениями. В промежутке между двумя этими законами было несколько других, однородных с ними по своей тенденции. На первом плане стояла забота государственной власти об ограничении различных видов общественной автономии и самодеятельности, которые нашли свое осуществление в прошлое царствование; такова господствующая тенденция законодательства. Рядом с нею наблюдается и другая. Государственная власть сочла нужным оказать свое вмешательство в экономическую жизнь различных классов населения, чтобы путем соответствующих мер согласовать ее движение с общегосударственными интересами.

По указанным двум течениям распределяется вся сумма сколько-нибудь важных законодательных актов последнего времени. Довольно распространено мнение о том, что русская государственная жизнь и русское законодательство, в отличие от Запада, движутся своим особенным,

самобытным путем. В таком воззрении кроется большое заблуждение. Оно прежде всего несправедливо по отношению к тем законодательным актам, которые, по предложенной нами классификации, должны бы составлять вторую группу. Идея о необходимости вмешательства государственной власти в экономическую жизнь различных классов населения всецело принадлежит Западу, где, фигурируя, между прочим, под названием «государственного социализма», нашла себе применение более широкое, чем у нас. Русское правительство в этом отношении, если взять предмет в его общих чертах, шествует по следам Запада, но с той лишь разницею, что сделанное в России на этом пути далеко не всегда отличается должною последовательностью и еще меньше – должною решительностью. Крестьянство составляет основной элемент русской народной жизни. Прекращение с 1 января 1883 всяких обязательных отношений крестьян к помещикам (закон 28 декабря 1881 г.), понижение выкупных платежей (закон 28 декабря 1881 г.), отмена подушной подати (18 мая 1882 г.) и учреждение Крестьянского Банка (18 мая 1882 г.) – на все эти меры следует, конечно, смотреть как на попытки государственной власти вновь придти на помощь тому классу населения, от благосостояния которого наиболее зависит благосостояние всего государства. К сожалению, с 1882 года движение законодательства в этом направлении приостановилось. Зато закон 1 июня 1882 года о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах был непосредственным сколком западного законодательства о рабочих, с тою разницею, что далеко не достиг полноты и решительности своих образцов. Подражанием Западу и вместе с тем нерешительною попыткою начать перестройку податной системы в том направлении, которое там нашло себе уже достаточное осуществление, был закон 15 июня 1882 года о пошлинах с имуществ, переходящих без[воз]мездными способами. В 1886 году 10 марта последовало некоторое расширение первоначального фабричного закона, и 3 июня издан закон о найме рабочих в заведениях фабричных и промышленных. Поземельное устройство сельских вечных чиншевиков (9

июня 1886 г.) по характеру своей задачи тоже принадлежало к числу тех мер, в которых выражается забота государственной власти о благосостоянии низших классов общества. В настоящую минуту живой интерес возбуждает деятельность правительства по железнодорожному делу (общий устав железных дорог 1886 года; тарифный закон 1889 года). Здесь выступает вперед попытка энергичного вмешательства власти в обширную область государственного хозяйства в интересах уже не одного класса населения, но всего народа, поскольку его интересы связаны с правильным ходом железнодорожного дела. Но опять и здесь наше законодательство стало лишь на путь, проторенный прежде того на Западе при значительном содействии теории государственного социализма.

История Запада за последнее столетие давала столько примеров политической реакции, наступавшей вслед за эпохами либерализма, что вряд ли есть надобность настаивать на том, что в подобном же движении у нас общие черты затемняют собою какие-либо национальные. Перед нами в законодательстве прошел ряд мер, направленных к ограничению небольшого остатка вольностей, который сохранялся еще от шестидесятых и семидесятых годов. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (14 августа 1881 г.) окончательно укрепило самостоятельное право административных властей на лишение свободы и на ссылку лиц, признанных этими властями опасными для государственного порядка. Закон 27 августа 1882 года дал высшей административной власти широкие правомочия относительно бесцензурных периодических изданий, которые с этого времени властью администрации могут окончательно закрываться или обращаться в подцензурные. Закон 12 февраля 1887 года затронул гласность суда. Общий университетский устав 15 августа 1884 года упразднил университетскую автономию, обратил профессорские коллегии в органы министерской власти, а профессоров – в чиновников, назначаемых и увольняемых по усмотрению министра. Из всех сторон университетского устава эта именно сторона оказалась наиболее

живучею; что же касается до педагогической стороны дела (чтение лекций, программы, экзамены), то в этом отношении, как известно, нововведения устава 1884 года не нашли себе благодатной почвы, так что в силу самого существа дела в этой области отчасти свершилось, отчасти продолжает совершаться быстрое возвращение к старым порядкам, хотя и под новыми названиями. В настоящем году черед подошел к земской автономии, и будущий год должен показать, как далеко зайдет здесь дело упразднения и ограничений. Судьба мирового института, избираемого земством, решена; пересмотр положения о земских учреждениях – в недалеком будущем, земское народное образование в принципе принесено в жертву институту церковно-приходских школ.

Таков ход законодательства за последние годы. Из двух намеченных нами тенденций первой принадлежит несомненное господство. Принадлежащие сюда мероприятия отличались гораздо большею решительностью, нежели мероприятия в области государственного вмешательства в экономическую жизнь населения. Мало того: и в этой последней области скоро сказалось господствующее значение заботы о сохранении государственного порядка. Попечение о нуждах низших классов постепенно само стало оставлять форму попечения об их экономическом благосостоянии и, взамен того, принимать форму заботы о всестороннем урегулировании их положения в полицейском и административном отношениях. В этих видах в 1886 году был издан закон о найме на сельские работы (12 июня); новый закон о земских участковых начальниках отдает крестьянское население под опеку дворянского сословия. В заботе об экономическом благосостоянии центр тяжести был перенесен в сферу высших классов. Промышленное сословие получило ограду своим интересам в системе покровительственного тарифа; в Дворянском же банке было усмотрено средство для поднятия благосостояния дворянства.

Из мер последнего времени самую замечательную составляет, конечно, положение о земских начальниках. Текст этого положения достаточно

известен из многочисленных его перепечаток, уже появившихся в продаже; не излагая его во всех его частях, мы остановимся лишь на том, что отмечает основной характер его, представляет его существенную сторону. Но и в определении этой основной стороны мы будем исходить не из каких-либо субъективных представлений или отвлеченных положений, а примем за нее то, что отмечено как таковое Высочайшим указом, при котором обнародован этот закон. Закон же обнародован при указе «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи». Таким образом, согласно указу, основная сторона нового закона заключается в преобразовании крестьянских учреждений. В самом же указе говорится: «В постоянном попечении о благе Нашего отечества, Мы обратили внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей Империи. Одна из главных причин этого неблагоприятного явления заключается в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях».

Из этих слов Высочайшего указа видно, что новый закон имеет в виду исключительно сельское население, которому принадлежит такое громадное преобладание в Российской Империи; далее, что преобразование должно установить в среде этого населения попечительство над обывателями, внести завершение крестьянского дела, охранять благочиние, общественный порядок, безопасность и права частных лиц в сельских местностях. Но закон имеет в виду не одно только крестьянское сельское население: «В местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках, мещане, посадские, ремесленники и цеховые, имеющие постоянное жительство в селениях, доколе не выбудут из оных, подчиняются в отношении полиции и суда действию общих правил, для лиц сельского

состояния установленных, сохраняя, однако, все права, лично и по состоянию им присвоенные». Итак, устанавливаемые положением о земских участковых начальниках новые условия быта исконных сельских обывателей – крестьян, затрагивают и сельских обывателей других сословий, не лишая их, однако, прав, лично и по состоянию им присвоенных; что касается сельских обывателей, принадлежащих к дворянству, купечеству, духовенству, то их интересы положением о земских участковых начальниках имеются в виду лишь настолько, насколько земский начальник является судьей по спорам и искам на сумму не свыше пятисот рублей, возникающим по найму земельных угодий, по личному найму на сельские работы в сельскохозяйственные должности и в услужение, в делах по восстановлению нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев, в делах о потравах и других повреждениях полей, лугов и т.д. Отсюда видно, что по отношению к лицам не крестьянского сословия земский начальник является не в роли начальника, а судьи, причем как в судебных делах между лицами не крестьянского сословия, так и в таких, где по существу отношений, установившихся среди сельских обывателей, ответчиками должны являться по преимуществу лица крестьянского сословия, на сцену выступает функция земского начальника по охране прав частных лиц в сельских местностях. Охранителями этих прав являются дворяне, и при том имеющие определенный земельный ценз или другое недвижимое имущество не ниже 7 и в известных случаях 15 тысяч; впрочем, имущественный ценз не является безусловным, так как при недостатке местных потомственных дворян на должность земского начальника министру внутренних дел предоставляется назначить на свободные вакансии «лиц, хотя и не принадлежащих к числу упомянутых дворян, но окончивших курс в одном из высших или средних учебных заведений Империи». Слова не принадлежащих к числу *упомянутых* дворян, т.е. «местных потомственных, имеющих, согласно статьям 6–10 (т.е. статьям, определяющим условия для занятия должности земского начальника), право быть назначенным», –

заставляют думать, что тут речь идет о возможности назначения на должность земского начальника лица, не имеющего имущественного ценза, но все-таки дворянина, иначе было бы сказано просто «хотя и не принадлежащих к числу дворян». Таким образом, дворянство и окончание курса в высшем или среднем учебном заведении безусловно необходимы для занятия должности земского начальника.

Итак, попечительство о крестьянах возлагается на дворянство. Формы, в которых может выражаться это попечительство, и которые предусмотрены положением, весьма обширны и многообразны. Оставляя в стороне упомянутую выше судебную функцию по делам о земельных угодьях и по найму на сельские работы и в услужение, земский начальник: имеет надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления и производит ревизию означенных установлений; на него же, во время отсутствия на месте исправника или станового, возлагается надзор за действиями волостных старшин и сельских старост по охранению благочиния, безопасности и общественного порядка, равно как и по предупреждению и пресечению преступлений; он имеет право дополнять представляемые ему списки дел, назначенных к рассмотрению на волостном сходе, теми из числа подлежащих ведению схода предметов, «которые начальник признает нужным подвергнуть обсуждению на этом сходе»; земский начальник собственной властью разрешает жалобы на должностных лиц волостного и сельского управления; он же разрешает жалобы неправильно избранных в должности крестьян, имеющих право отказаться от общественной службы; ему же принадлежит право удалять от должности неблагонадежных волостных и сельских писарей, причем, само собой разумеется, он же определяет, в чем состоит и выражается эта неблагонадежность; он имеет право рассматривать *все* приговоры, постановляемые волостными и *сельскими* сходами в пределах участка; помимо представления со своими заключениями на утверждение уездного съезда определенно указанных в законе (т.е. в положении о земских

начальниках) приговоров волостных и сельских сходов, земский начальник представляет на рассмотрение съезда, и тот из рассматриваемых им волостных и сельских приговоров, относительно коего удостоверится, что он составлен несогласно с законами либо клонится к явному ущербу сельского общества, либо нарушает законные права отдельных его членов или приписанных к волости лиц; до рассмотрения же съездом такого приговора земский начальник останавливает его исполнение. Здесь, следовательно, попечительство земского начальника простирается настолько, что он, вопреки мнению самого сельского общества и при отсутствии против приговора протеста кого-либо из членов схода, определяет, что клонится к явному ущербу сельского общества, причем, однако, окончательное заключение по этому предмету постановляет уездный съезд, в состав которого, помимо председателя (предводителя дворянства), входят: председатель уездной земской управы, исправник и все земские начальники уезда; таким образом, оставляя в стороне тот случай, когда председатель управы представляет собою лицо, хорошо знакомое с условиями крестьянского быта, в уездном съезде, решающем, что клонится к ущербу сельского общества, отсутствует представитель крестьянского сословия, наиболее знакомый с практическими последствиями и условиями того или другого приговора схода. В такой же мере и при тех же условиях попечительство земского начальника касается и частных лиц, так как для того, чтобы земский начальник взял на себя защиту нарушенных приговором схода прав отдельных членов последнего, не требуется жалобы или заявления со стороны их; определение того, нарушены или нет их права, принадлежит не им самим, а земскому начальнику и уездному съезду, так что отдельные члены сельского общества и все оно в целом составе находятся по новому закону в положении лиц, состоящих по законам гражданским под попечительством, с тою лишь разницею, что здесь попечительство переходит из сферы гражданского права в область права публичного. Впрочем, то же самое имеет место и в других случаях: так, по ст. 20 временных правил о

волостном суде в случае постановления последним «решения по делу о проступке, нарушающего пределы его власти или же явно не правосудного, земский начальник останавливает исполнение решения и представляет оное уездному съезду, хотя бы и не было в виду жалобы участвующих в деле лиц».

В соответствии с таким началом полного попечительства находятся и другие статьи положения, устанавливающие круг власти земского начальника по отношению к сельским обществам: ему принадлежит надзор за состоянием мирских капиталов; он утверждает приговоры сельских сходов о производстве из назначенных капиталов расходов на потребности подлежащих крестьянских обществ, если он с ними приговорами согласен; в случае же несогласия представляет на рассмотрение уездных съездов. Отсюда следует, что от земского же начальника и уездного съезда зависит определение, как характера и содержания потребностей сельских обществ, так и размера расходов на них из мирских капиталов, т.е. до известной степени того, в какой мере эти потребности подлежат удовлетворению. Фактически же это может означать следующее: общество постановляет приговором, напр[имер], произвести из мирского капитала такой-то расход на арендувание такого-то участка земли. Не говоря уже о том, что всякий такой приговор, независимо от источника расходов на арендувание, может быть признан клонящимся к явному ущербу сельского общества, потребность в арендувании земли может быть не удовлетворена в силу несогласия земского начальника или съезда на расход по этому предмету из мирских капиталов, причем от земского начальника и съезда всецело зависит, решить ли этот вопрос самостоятельно, без ближайшего себе уяснения условий, вызывающих такой приговор. Если земский начальник и большинство членов съезда являются, напр[имер], сторонниками интенсивной культуры, то они легко могут найти, что арендувание земли, расширяющей земельные угодья общества, тормозит переход последнего к более интенсивной системе земледелия, что клонится к явному ущербу

общества; независимо от этого можно найти, что такое общественное арендование, разлагая плату за него на всех членов общества, вызывает расход на этот предмет со стороны беднейших членов, отягощая их и без того незавидное экономическое состояние и, следовательно, опять-таки клонится к явному ущербу общества. Таким образом, влияние попечительства земского начальника по содержанию закона может идти очень далеко и вести к совершенному преобразованию хозяйственных и даже земельных порядков и условий крестьянского быта. Легкость и всесторонность такого воздействия со стороны земских начальников тем более возможны, что для занятий этой должности в известных случаях достаточно иметь дворянство и среднее образование, т.е. ничего, что сколько бы то ни было знакомо с практически существующими условиями крестьянского хозяйства. Это последнее требование не предусматривается и в том случае, когда земский начальник, помимо дворянства, обладает еще и необходимым имущественным цензом и высшим образованием.

Всем этим еще не исчерпывается круг воздействия земского начальника на сельские общества. Ему принадлежит надзор за ссудо-сберегательными кассами и товариществами, вспомогательными кассами и за всякого рода вообще сельскими кредитными установлениями в пределах его участка; он же надзирает за опекуном, учреждаемым над личностью и имуществом малолетних сирот сельского состояния; на него же возлагается «попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян вверенного ему участка по предметам ведомства сельских и волостных сходов, указанных в пунктах 8 и 16 ст. 51 и в п. 2 и 3 ст. 78 общ[его] пол[ожения] о крестьянах», а это означает, что на него возлагается попечение об общественных нуждах, благоустройстве, призрении, обучении грамоте, по вопросам о назначении ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода вспомоществований. А так как многие из этих функций – по распространению грамотности, по ссудам из сельских запасных магазинов – близко соприкасаются с деятельностью земств, то отсюда следует, что

попечение земского начальника о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян далеко не безразлично для земских учреждений. Но положение устанавливает и более тесную связь земского начальника с уездными земствами; он рассматривает составляемые уездною земскою управою планы на устройство селений и сообщает управе свои заключения по сим проектам; впрочем, и только, так как положение не устанавливает чего-либо обязательного для земства относительно этих заключений, хотя далее определяется, что на земского начальника возлагается разбирательство по недоразумениям, возникающим при отводе усадебных мест, в случае перестройки сих последних с целью лучшего в отношении безопасности от пожаров распланирования, и разрешение, в таких случаях, возведения крестьянских строений на смежной с крестьянской усадебною оседлостью выгонной земле, общей с помещиком, по правилам, изложенным в уставе строительном. Отсюда следует, что по распланированию селений ему тоже предоставлены довольно широкие полномочия. В конце концов, нельзя не прийти к заключению, что нет такой сферы в области крестьянского общественного управления (которое, однако, в силу его хозяйственных функций теснейшим образом соприкасается с интересами отдельных лиц), которая была бы изъята из ведения земского начальника.

Мы не останавливаемся на перечислении всех указанных в новом законе обязанностей земского начальника, так как, в силу отмеченного нами выше значения этого закона для преобразования местных крестьянских учреждений, эта преобразовательная сторона является наиболее основной во всем законе. Само собою разумеется, что тот широкий круг деятельности, который очерчивается законом для земского начальника и который требует многостороннего, обширного знания условий действительности, большой прозорливости и непрерывной энергии со стороны земского начальника, обуславливает собою вместе с тем предоставление последнему широких полномочий для выполнения своих функций. Таковые земскому начальнику

и предоставлены: он имеет право «без всякого формального производства» подвергать аресту на время не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше шести рублей лиц, подведомственных крестьянскому общественному управлению (следовательно, каждого крестьянина) за неисполнение ими «законных распоряжений или требований земского начальника». В каждом случае наложения означенных взысканий должен быть составлен земским начальником особый протокол. По отношению же к должностным лицам сельского и волостного управления, в случае жалоб на их действия или непосредственно усмотренных им самим маловажных проступков, земский начальник имеет право подвергать их «без формального производства одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней». За более же важные нарушения земскому начальнику предоставляется: «временно устранять всех означенных должностных лиц (в том числе и волостных судей) от должностей и входить с представлением в уездный съезд о совершенном увольнении их от службы или о предании их суду». Из текста статьи (62) таким образом ясно, что усмотрению самого земского начальника предоставляется не только определение того, что считать проступками со стороны должностных лиц сельского управления, но и установление различия между «маловажными проступками» и «более важными нарушениями», причем относительно взысканий с должностных лиц за проступки, признанные земским начальником маловажными, не выражено требования о составлении протокола, что означает, что власть земского начальника в этом случае является бесконтрольной, если не считать за контроль обязанности земского начальника ежегодно предоставлять уездному съезду отчет о своей деятельности (ст. 67). Кроме того, из текста статьи явствует, что, устраняя временно от должности должностных лиц сельского и волостного управления (в том числе и волостных судей), земский начальник не только не стеснен никаким сроком относительно представления в уездный съезд о совершенном увольнении этих лиц от службы, но даже,

судя по выражению закона, и не обязан таким представлением: ему «предоставляется временно устранять ... и входить с представлениями» ... т.е., по буквальному смыслу текста, то и другое есть его право, а не обязанность, причем понятие «временного» устранения может, в силу буквального смысла закона, подлежать весьма широкому толкованию. Независимо от этого, для увольнения от должности съездом так же не требуется какого-либо определенного, предусмотренного законом нарушения; это должно быть лишь более важное, по мнению земского начальника, нарушение, чем маловажный проступок – и только, причем постановление съезда о таком увольнении от должности почитается окончательным (ст. 98). Что касается предания суду, то оно, очевидно, может быть совершено за определенное преступление или проступок, предусмотренные законом. Постановления земского начальника в этих случаях, т.е. наложение взыскания «без формального производства» и «временное» устранение от должности «почитаются окончательными и подлежат немедленному исполнению». Такую же силу имеют его постановления о дополнении списка дел, подлежащих рассмотрению на волостном сходе, об удалении от должности волостных и сельских писарей, о заключении под стражу в городской тюрьме крестьян, подлежащих увольнению из обществ по приговорам волостных и сельских сходов, по утверждению в должности волостных старшин, по отдаче недоимщика или кого-либо из членов его семейства в посторонние заработки и по утверждению полевых сторожей.

В случаях, где постановления земского начальника не имеют силы окончательных и не подлежат немедленному исполнению, высшей инстанцией по отношению к ним является уездный съезд и губернские присутствия. По отношению к последним отметим, что когда при обсуждении в них дела «последует более двух мнений и не составит ни большинства, ни равенства голосов, то члены, принадлежащие к мнению, соединяющему в себе меньшее число голосов, объявляют, которое из

мнений, принятых большим числом членов, каждый из них признает более справедливым, и тогда их голоса присоединяются к одному из мнений, принятых большим числом членов». Таким образом, статья эта вовсе не предусматривает такого случая, когда кто-либо из членов не найдет возможным какое-либо из мнений, принятых большим числом членов, признать более справедливым и не найдет возможность присоединиться ни к одному из них. Между тем, самая выработка в законе упомянутого правила указывает, что закон предусматривает возможность большего разнообразия мнений среди членов присутствия, а в таком случае мыслимо, конечно, такое положение, когда член присутствия найдет каждое из других мнений одинаково несправедливым.

В предыдущем очерчен круг деятельности земского начальника по отношению к крестьянскому самоуправлению; ограничение последнего, выражающееся в приведенных выше статьях положения о земских участковых начальниках, имеет место и по отношению к волостному суду. Правда, закон, отменяющий выборное начало по отношению к земскому начальнику, являющемуся судьей для некрестьянских дел известного рода, оставляет это выборное начало для чисто крестьянских дел, и, таким образом, у крестьян остается право выбора себе судей, право, которого лишены другие сословия государства. Но волостной суд претерпел по новым правилам существенные изменения. Председатель суда назначается из числа избранных в судьи уездным съездом, причем обязанности председателя могут быть возложены на местного волостного старшину, т.е. лицо, избранное не для этой должности, и при том лицо, которое по действующему еще в настоящее время закону не должно даже присутствовать при обсуждении дела в волостном суде, для чего существовали мотивы, имевшие свое основание. Затем избрание судей производится не волостным сходом, а каждым сельским обществом по одному кандидату, и общее число избранных лиц не должно быть менее восьми. Если же в волости менее восьми сообществ, то недостающее число кандидатов избирается теми

обществами, которым это предоставит уездный съезд. Утверждение из 8 избранных четырех судьями производится земским начальником. Размер содержания, получаемого судьями, определяется также уездным съездом, а не волостным сходом; на кого возлагается делопроизводство суда, это также определяет земский начальник с тем лишь ограничением, что оно должно быть возложено на одного из судей или на волостного писаря; на земского же начальника возлагается вообще ближайший и непосредственный надзор за всеми волостными судами участка. Надзор же этот понимается так, что в известных случаях земскому начальнику предоставлено не только вмешательство, но даже изменение решений волостного суда; так, «решение, которым обвиняемый присужден к телесному наказанию, исполняется не иначе, как с разрешения земского начальника, который вправе заменить телесное наказание другим соответственным взысканием по правилам, означенным в ст. 41», т.е. к денежному взысканию до 30 рублей, причем взыскание это налагается независимо от ареста, или к строгому аресту на время до 15 дней.

В этом праве земского начальника заменить телесное наказание другим можно было бы видеть шаг к отмене позорящего личность телесного наказания, если бы, с другой стороны, с расширением компетенции волостного суда в гражданских делах (напр[имер], подсудность исков до трехсот рублей и т.п.), она не была расширена и в уголовных, так что он может в известных случаях не только приговаривать к аресту до 15 и даже 30 дней, но «в особо важных случаях к аресту и наказанию розгами одновременно», и притом в преступлениях и проступках, подлежавших доселе ведению мирового судьи, не имеющего, как известно, права налагать телесного наказания. Таким образом, по новому закону сфера действий, за которые крестьянину может грозить наказание на теле, расширяется, причем наряду с последним он может еще за то же действие подвергнуться и аресту.

В заключение этого краткого обзора новых условий волостного суда нельзя не отметить узаконения, имеющего существенное значение для

независимости и беспристрастности волостного суда, а именно: на должность волостных судей не могут избираться содержатели трактиров и питейных заведений; отметим еще, что лица, проживающие вне пределов волости и далее 15 верст от места нахождения суда, имеют право заменить себя представителем из числа родственников или односельцев, «если только эти последние не занимаются ходатайством по чужим делам за вознаграждение».

Отметим еще одно основное изменение, состоящее в том, что уездный съезд может по рассмотрении поступивших от земского начальника решенных волостным судом дел (хотя бы, как отмечено выше, и не было жалобы участвующих в деле лиц) постановлять новое решение *по существу*, причем и в этом случае не требуется наличность в числе членов съезда представителей крестьянского сословия, так как судебное присутствие съезда образуется под председательством уездного предводителя дворянства из уездного члена окружного суда, почетных мировых судей, городских судей и земских начальников.

На этом мы и закончим обзор того, что представляет собою по существу наиболее преобразовательную сторону положения о земских участковых начальниках.

В остальных своих частях положение это, как известно, упраздняет в большей части империи институт мировых судей, заменяя его совершенно иными учреждениями, лишенными выборного начала.

Но упразднение в большей части империи института мировых судей составляет не единственное ограничение, внесенное законодательством нынешнего года в область судебных учреждений, образованных по судебным уставам Александра II. Другая мера в том же направлении выразилась в законе 3 июля 1889 года, озаглавленном «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей». Сущность этого «изменения» состоит в том, что ряд уголовных дел изъят из круга ведения суда присяжных. Именно все дела, в которых речь идет о преступлениях,

содержащих в себе посягательство на авторитет государственной власти, как-то: неповиновение и сопротивление властям, восстание, уничтожение указов, оскорбление присутствия или отдельных его членов, истребление печатей и похищение опечатанных вещей, оскорбление часовых или военного караула, разные виды контрабанды, сопротивление таможенным чинам, насилие над лесными чинами, также убийство и покушение на убийство должностных лиц, а равно всякого рода насильственные против них действия, совершенные при исполнении или по поводу исполнения должностными лицами служебных обязанностей, – все эти дела будут решаться отныне без участия присяжных заседателей, которые заменяются сословными представителями. Поводом к такому изменению послужило то обстоятельство, что в некоторых случаях, которые представлялись правительству особенно важными, присяжные оправдали подсудимых, фактическая виновность которых не подлежала сомнению. Причина же подобных оправданий заключалась в том, что присяжные признавали подсудимых в виду их неразвитости и т.п. недостаточно понимавшими весь вред, которые их деяния, по мнению законодателя, наносят государству; или же присяжные приходили к заключению, что преступление, объектом которого являлся тот или другой представитель власти, было порождено неправильным образом действий самих властей, либо вообще обуславливалось ненормальным состоянием отношений, на почве которых в каждом данном случае возникло столкновение обвиняемого с авторитетом власти. Суд коронных судей с участием сословных представителей, конечно, менее суда присяжных способен руководиться в своих решениях подобными соображениями.

Оправдательные приговоры присяжных по делам о двоебрачии при явном существовании самого факта двоебрачия, случались также нередко, указывая на ненормальные стороны существующего законодательства о разводе: дела о двоебрачии законом 3 июля тоже переданы в ведение коронного суда с сословными представителями. Были далее случаи, где

оправдательные приговоры присяжных объяснялись непониманием специального характера отношений, нарушенных преступною волею обвиняемого. Таковы, прежде всего, преступления лиц, служащих в кредитных установлениях (банковые растраты и проч.). Коронный суд с участием сословных представителей признан в этой сфере более компетентным судом, нежели суд присяжных. Наряду с банковскими преступлениями поставлены в этом случае преступления железнодорожных служащих и еще некоторые другие. Наконец, новый закон, в отличие от первоначальной редакции судебных уставов, изъе­млет из ведения присяжных все дела, где наказание соединено с так называемым «ограничением» некоторых прав и преимуществ. «Ограничение» прав признано формою не настолько важною, чтобы ее применение к виновному следовало об­став­лять гарантией суда присяжных.

Действие новой подсудности распространяется на все дела, по коим до «распубликования» нового закона не состоялось судебных приговоров. Некрасивое иностранное слово «распубликование», употребляемое взамен русского «объявление», могло бы дать повод к рассуждению о пренебрежении к правильной терминологии и грамматическому строю родного языка, так часто замечаемому в законах последнего времени, если бы забота о языке не отодвигалась на второй план заботами более серьезного свойства...

Публ. по:

*М.К. Хроника русского законодательства //
Юридический вестник. 1889. № 10. С. 309–322.*

Примечание: М.К. – совместный псевдоним С.А. Муромцева и Н.А. Каблукова.

10. КУЛОМЗИН А.Н. ОТНОШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА К ЗЕМСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

К 1866 году были введены земские учреждения в 39 губерниях, на которые было распространено земское положение и в значительном числе губерний – новые судебные учреждения. Согласно земскому положению, распределение числа гласных между дворянским, купеческим и крестьянским сословиями было основано на началах справедливости, причем крестьяне не были лишены права избирать своими представителями лиц других сословий. Третий элемент, в виде образованных демократических интеллигентов, еще не родился, а так как наше дворянство испокон веков выделяло из своей среды известное число личностей прогрессивного направления, то являлась для таких лиц возможность в тех случаях, когда они не могли надеяться пройти в гласные по дворянской курии, удовлетворять своим стремлениям принимать на себя защиту интересов крестьян путем избрания в гласные от волостей.

Ввиду решительных отпоров, данных государем заявлениям органов общественного мнения в отношении образования какого-либо центрального политического органа, губернские земства видоизменяли свою тактику. Они добивались путем петиций расширения своей компетенции с постоянными намеками на известные всем отказы центральной власти в расширении политических горизонтов. С другой стороны, земские учреждения, стесненные в своих денежных средствах, стали облагать промышленные предприятия постепенно возвышающимися сборами сообразно их деятельности. Министр финансов, озабоченный развитием совершенно еще ничтожной у нас фабричной и заводской промышленности, провел закон, которым земские учреждения были ограничены в деле обложения фабрик и заводов не по промышленному или чистому доходу, а по стоимости промышленных зданий. Новость привела к раздражению со стороны земства. Если центральная власть не имела достаточного такта, чтобы относиться к

созданной ей земской жизни с подобающим спокойствием, то тем менее такта проявляли губернаторы, не имевшие ранее введения земских и судебных учреждений в пределах своих губерний никаких прямо подчиненных учреждений (кроме дворянских). Вдруг они очутились перед необходимостью считаться с самостоятельными учреждениями, ведавшими известной областью государственного управления. Судебные учреждения были подчинены другому министерству, чем губернаторы. Потому всякие трения с ними вызывали неудобную переписку с чужим центральным ведомством. Другое дело земские учреждения: на отсутствие прямого подчинения их себе губернаторы смотрели как на недоразумение, как неоднократно проскальзывало в разговорах и делах, неполноту закона, требовавшую скорого исправления. О том же мечтало и министерство внутренних дел. Более образованные и тактичные губернаторы умели ладить с земскими деятелями, но таковых в центре не всегда считали надежными столпами самодержавия, что и ставили им при случае на вид. Другие губернаторы, или из числа желавших отличиться перед правящими кругами, или вообще холерического темперамента, входили в непрерывные препирательства с местными деятелями, чем до крайности их изводили, когда препирательства эти выходили из рамок внешних приличий. Центральная власть отказывала губернатору в поддержке и охотно приводила подобные случаи в доказательство своей объективности, когда же губернаторские жалобы имели под собой хотя бы тень справедливости, с ними соглашались, а в случаях более важных популярные местные деятели подвергались разным мерам воздействия, иногда весьма тяжким. К этому присоединялось еще одно обстоятельство, вносившее в земскую среду сугубое раздражение. Правительство, желая избавиться от разных земских ходатайств, носивших политический оттенок, распространило это направление на вполне заслуживавшие удовлетворения ходатайства. Знакомые с данным направлением начальства чиновники находили к отказам причины или поводы, исписывали стопы бумаги, и министры не давали себе

труда проверять, нельзя ли так или иначе удовлетворять иногда совершенно невинные ходатайства. Все дела об отказах на основании закона вносились в Комитет министров, где они решались властью Комитета без доклада верховной власти и представляли собой в высокой степени ненавистную для всех нас часть нашей деятельности. Самостоятельные члены Комитета, как то главноуправляющий кодификационным отделом, председатели департаментов Государственного совета, всеми мерами стремились или убедить надлежащего министра, внесшего представление, взять его назад, или искали возможности путем редакции смягчить отказ, придать ему временный характер или просто указать, что ходатайство может быть подробно обсуждено. Как бы то ни было, когда Каханов, сделавшись в 1880 году товарищем Лорис-Меликова, распорядился составлением списка отказов министров земским учреждениям, их оказалось свыше 500, и, будучи напечатанными, они образовали толстый том.

Еще больший произвол губернаторы проявляли по отношению к городским самоуправлениям, вследствие чего раздражение распространилось и на эти слои населения. Тщетно правительство стремилось оттенять свое более или менее благожелательное отношение к дворянству от столкновений с земствами, забывая, что действовали в тех и других учреждениях почти те же лица. Неудовольствие земства находило себе живой отклик в дворянской среде. То же сочувствие к земству проникало через земских гласных и в другие сословия – торгово-промышленное и крестьянское. Этими путями совместно с мерами правительства в области среднего образования неудовольствие внедрялось в самую гущу населения. Число горячих голов, готовых вступить в ряды революционеров, быстро росло, и, таким образом, революционное движение насаждалось сверху.

К такому состоянию умов сознательных кругов России присоединилось глубокое разочарование вследствие дипломатических неудач, последовавших после блестящего Сан-Стефанского мирного договора. Террористические

кружки нашли возможность возобновить свою деятельность, а общество, пропитанное неудовольствием к правительству, отнеслось к ним пассивно.

Публ. по:

*Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания /
сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева.*

М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 269–271.

11. ГОЛОВИН К.Ф. ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ровно через год после введения земских начальников было преобразовано и само земство. Реформа основывалась на мысли чисто теоретической. Избиратели, расположенные по сословным группам, легче могут осмотреться, легче указать на подходящих кандидатов среди привычной близкой им среды, чем безразличной массе сословных владельцев. Говорю намеренно «владельцев», так как реформа коснулась преимущественно этой курии, отделив от нее, во-первых, владельцев-недворян, а во-вторых, содержателей торговых и промышленных заведений внутри уезда. Несомненно, что в России, несмотря на всю нашу демократичность, отдельные общественные слои живут более врозь, чем где-либо за границей. Это несколько не влечет за собою чванной обособленности дворянства, так неприятно поражающей в восточной Германии, но все-таки между отдельными классами создает некоторую рознь, не позволяющую каждому из них верно судить о личном составе прочих. На практике, однако, теория не оправдалась, прежде всего, от возроставшей убыли среди дворянства, и притом убыли двоякой – и от распродажи имений, и от абсентеизма многих владельцев. В Англии, в Германии или хотя бы у нас в Остзейских губерниях избирательный закон, вроде положения 1890 года, побудил бы землевладельцев явиться на выборы в полном числе, выставив все свои наличные силы. Но мы не немцы и не англичане. У нас выборная система, отдававшая в земстве первое место помещикам, побудила дворян отнестись к своим политическим обязанностям холодно, а к правительству, отдавшему им в руки все местное хозяйство и местное управление, – почти враждебно. Дворянство как будто устыдилось своего привилегированного положения. По крайней мере, нигде оно не высказало особой ревности стать земским сословием по преимуществу, и вместо охранительных начал, которые была призвана утвердить реформа, оно ударило прямо в противоположную сторону. Никогда антиправительственные демонстрации

не происходили так часто, как за десятилетие от 1890–1900 гг. Никогда земский бюджет не вырастал так быстро, как за тот же период; а так как главной причиной этого возрастания было размножение земских служащих – эти же служащие вербовались среди элементов большей части политически сомнительных – быстрый рост земских расходов в конце концов имел тесную причинную связь с оппозиционным настроением губернских собраний. В губернских городах сосредоточилось большинство земских начинаний: педагогические семинарии, откуда выходили народные учителя и учительницы, статистическое бюро, к которым вскоре присоединились и сельскохозяйственные, земские техники, всякого рода больницы, вокруг которых группировался врачебный персонал. Завоевать эти города для революционных целей стало важным начинанием в глазах так называемой провинциальной интеллигенции. Она переполнила собою земские должности и превратила вскоре подчиненные губернской управе учреждения в постоянные активные очаги революционной пропаганды. Мало помалу весь этот персонал служащих организовался в нечто, напоминающее синдикаты, и стал требовать, чтобы из его состава никого не увольняли и никого туда не принимали со стороны без согласия прежнего состава служащих. Гласные из дворян видели прекрасно это постоянное нарастание чуждых элементов и нисколько не мешали такому завоеванию земства подчиненными ему наемными людьми. Казалось удобным сложить на этих людей работу по всем техническим вопросам; а если ряды земских служащих переполнялись административно ссыльными, и от них доставалось правительству, г-да местные помещики были этому даже почти рады, не предвидя, что и против них самих поднимется рано или поздно третий элемент. А в то же время во многих уездах съезжалось на дворянские избирательные съезды все меньшее и меньшее число выборщиков. Сплошь и рядом оно не достигало даже числа гласных, подлежащих избранию. Таким образом, реформу постигла решительная неудача, и провинциальное дворянство орудием, данным ему в руку, не только не воспользовалось, но еще направило его против власти и, в

конце концов, само капитулировало перед третьим элементом. Эта любезная податливость передового класса, это усердное глаженье по головке элементов мало надежных, в то же время нисколько не спасло дворянство от ненависти тех, которые в качестве иносословных землевладельцев были призваны выбирать заодно с промышленниками своих особых гласных, которых новый закон как бы заклеил печатью отвержения. Редующее дворянство могло только выиграть от союза с торговцами и промышленниками, а, пожалуй, и с зажиточными крестьянами. Оставляя тех и других за дверьми помещичьего избирательного съезда, новый закон тем самым отбрасывал их в антидворянский лагерь, который четырнадцать лет спустя стал и лагерем революционным. Все это невольно заставляет сожалеть о прежнем земском положении, при котором антагонизма не существовало.

Публ. по:

Головин К.Ф. Мои воспоминания.

Т. II (1881–1894 гг.). СПб., 1910. С. 205–208.

12. [АРСЕНЬЕВ К.К.] НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Преобразование местного управления и самоуправления, стоявшее на очереди около десяти лет, в настоящее время почти закончено. К закону 12-го июля 1889 г. о земских начальниках присоединилось утвержденное 12-го июня текущего года положение о земских учреждениях. Неизменным остается пока только городское положение – но в близком будущем и оно, судя по газетным слухам, должно подвергнуться коренной переделке. Обстоятельства, при которых завершается реформа, имеют мало общего с теми, при которых она была предпринята. Намеченная еще в семидесятых годах ходатайствами земских учреждений, она была официально признана необходимой в эпоху «диктатуры сердца» инструкцией ревизирующим сенаторам и декабрьским циркуляром гр. Лорис-Меликова. И здесь, и там не имелось в виду ничего другого, кроме дальнейшего осуществления начал, внушивших законодательные акты 1861–64 гг. Предполагалось устранить противоречия, пополнить пробелы, исправить отдельные ошибки; смесь старого с новым должна была уступить место гармоническому целому, все части которого были бы строго согласованы между собою. Такова была, за немногими исключениями, цель проектов, составленных земскими собраниями 1881 г. Не слишком резко уклонялось от нее и большинство так называемой кахановской комиссии, учрежденной осенью того же года. Первые признаки противоположного направления проявились в мнениях меньшинства этой комиссии, скоро получивших перевес и в других сферах. С осени 1885 г., т.е. с тех пор, как подготовка административной реформы перешла в руки министерства внутренних дел, речь идет уже не о развитии оснований, созданных четверть века тому назад, а о замене их другими, существенно различными. Этого не следует забывать при изучении и оценке новых органических узаконений. Мы никак не можем признать, что положения 12-го июля 1889 г. и 12-го июня 1890 г. «не изменяют коренных и бытовых условий жизни и затрагивают только частности и формальные

стороны преобразований, вызванных упразднением крепостного права» («Новости», № 178). Разделение властей судебной и административной, самостоятельность суда и судьи, бессловный характер местного самоуправления, независимость земских деятелей, – все это не *частности*, не *формальные стороны* «преобразований, вызванных упразднением крепостного права», а важнейшие их черты, определявшие собою их общий дух и внутренний смысл. Можно смотреть на эти черты так или иначе, можно считать их полезными или вредными, соответствующими или несоответствующими способностям и потребностям русского народа – но нельзя приписывать им только второстепенное значение, нельзя утверждать, что их отмена «не изменяет коренных и бытовых условий жизни». Перед нашими глазами совершается не починка, даже не капитальный ремонт местных учреждений, а полная их перестройка, по новому плану и применительно к новому назначению.

Не менее спорными кажутся нам рассуждения названной нами газеты о причинах противодействия, встреченного реформами прошлого царствования. Эти реформы, по словам «Новостей», были «настолько идеальны, что требовали и идеальных к ним отношений со стороны населения; государство же не могло в то время располагать запасом сил, вполне отвечающих этим высоким требованиям. Закон был впереди общества и даже давал больше, нежели оно заслуживало по своему нравственному и умственному складу. Это – прекраснейшая, святая задача законодательства, но нечего удивляться, если она не сразу осуществляется, если инертность, непонимание, дурные привычки и старые противообщественные и себялюбивые инстинкты восстают против идеальных требований закона, окружая применение его всякими затруднениями, противоречиями и даже противодействием». Читая эти строки, можно подумать, что положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, положение о земских учреждениях, судебные уставы 1864 г. Не нашли ни исполнителей, достойных великого дела, ни

общественного сочувствия и общественной поддержки; можно подумать, что все последующие отступления и ограничения были вызваны единственно невозможностью осуществить реформу во всей ее полноте и целостности. На самом деле, как известно, не было ничего подобного. Мрачные предсказания пессимистов, ссылавшихся на «недостаток людей», не оправдались; нашлись, в свое время, мировые посредники, нашлись земские деятели, нашлись судьи, стоявшие на высоте своего призвания. Общество не оказалось ни «инертным», ни «непонятливым»; из-под власти «себялюбивых инстинктов» не сумело освободиться лишь меньшинство, бессильное затормозить движение. Правда, увлечение новизной уступило место некоторому охлаждению, но когда? Только тогда, когда преобразования были признаны «рановременными». Лучшие из мировых посредников первого созыва оставили свои места не вследствие победы «дурных привычек» над «идеальными требованиями» закона, а вследствие предпринятого сверху сокращения числа мировых участков. Нравственный и умственный ценз земства понизился, впрочем, только на время, под влиянием мер 1867 г. В области суда многое изменилось к худшему лишь после продолжительного господства стремлений, враждебных судебной реформе. Ни один из великих законодательных актов шестидесятих годов не был *идеальным* ни в смысле абсолютного совершенства его оснований и полной гармонии их между собою, ни в смысле разлада между теорией и действительностью. Они все были применимы в данное время, при данных условиях; только этим можно объяснить громадную пользу, принесенную ими, несмотря на быструю и неблагоприятную перемену обстоятельств. Именно потому, что они не были *идеальны*, они требовали поправок и дополнений, согласованных, конечно, с первоначальным, основным характером преобразования. Случилось совсем не то. Почти каждая новелла приносила с собою нечто чуждое тому целому, в составе которого она должна была войти; единство терялось все больше и больше – и это чувствовалось тем сильнее, что рядом с преобразованными учреждениями оставались другие, едва затронутые движением. Итак, в

противодействию реформам шестидесятых годов русское общество неповинно. Оно было позади их разве настолько, насколько это обуславливалось недостатком опыта. Нельзя, в самом деле, ожидать, чтобы человек, никогда не видавший воды, обладал искусством плавать; но отсюда еще не следует, чтобы он, получив доступ к воде, не мог в самом скором времени научиться этому искусству. Способность приспособления к новым, лучшим условиям свойственна русскому обществу, русскому народу; если этим условиям не всегда суждена долговечность, то вовсе не потому, что для них не было у нас подходящей почвы.

Публ. по:

Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1890. Кн. 8. С. 806–808.

13. [ГОЛЬЦЕВ В.А.] НОВОЕ «ПОЛОЖЕНИЕ» О ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В самом конце истекшего месяца (*Собр. Узак.*, № 63-й, 28 июня) обнаружен указ о введении в действие нового «положения» о земских учреждениях, состоявшийся 12 июня. «Положение» 12 июня заменяет собою «положение» 1 января 1864 года и будет вводиться во всех 34 земских губерниях в том порядке постепенности, какой будет определен министерством внутренних дел.

В предшествующем обзоре мы представили характеристику новых условий, в какие поставляется деятельность земства на основании подробных сведений о проекте, напечатанных в «Русском вестнике». Эти-то сведения о проекте и побудили нас высказать такое мнение, что предполагено установление полной подчиненности земских учреждений административным властям с сохранением только прежних общественных форм и созданием многообразия высшего административного надзора.

Имея теперь перед глазами закон в его окончательном виде, мы должны, прежде всего, признать, что полного или, сказать точнее, безусловного подчинения деятельности земства административным властям он не устанавливает, хотя, все-таки, вводит подчиненность в самом принципе. По тем сведениям, какие мы имели о проекте, всякое постановление земского собрания должно было приводиться в исполнение не прежде, чем было бы получено разрешение на это губернатора. Такого всеобъемлющего подчинения в законе не оказывается. На этом мы должны остановиться прежде всего.

Новый закон не устанавливает в общем правиле, что на приведение в действие каждого постановления земского собрания требуется разрешение губернатора. Статья 82 нового «положения» прямо указывает, какие именно постановления подлежат утверждению начальника губернии или министра внутренних дел. К первым принадлежат: классификация и изменение направления земских дорог, устройство выставок, перемены в сроках и

устройстве ярмарок и базаров, определение некоторых такс и цен. Ко вторым – переложение земских повинностей натуральных в денежные, установление повинностей по истреблению вредных животных, сборов с проезжающих, решения об открытии новых пристаней и закрытии существующих ярмарок, наконец, постановления о займах, не включая позаимствований из земских капиталов. Несогласие губернатора во всех этих случаях ведет к представлению министру, который окончательно решает дело.

Затем, по отношению ко всем прочим постановлениям земских собраний разрешения губернатора не требуется, а только сохраняется за ним и доселе существовавшее право «протеста» с некоторым его расширением. Все постановления земства, за исключением вышепоименованных, приводятся в исполнение, если в течение двух недель губернатор не остановил их исполнения по следующим соображениям: 1) в случае несогласия постановления земства с законом или полномочиями земства и 2) если земское постановление «не соответствует общим государственным пользам и нуждам либо явно нарушает интересы местного населения». Здесь принята распространенная редакция права протеста, каким начальник губернии пользовался по «положению» 1864 г. Приведенные ограничительные условия весьма эластичны: что не может подойти под определение «явно нарушает интересы местного населения» или «не соответствует общим государственным интересам»?

В случае, если остановка исполнения последовала вследствие нарушения земским постановлением закона, дело пойдет в губернское присутствие, на которое земство может жаловаться в Сенат, причем установлены сроки: месячный для внесения губернатором дела в губернское присутствие и трехмесячный для внесения министром земской жалобы с его заключением в Сенат. В других же случаях, т.е., когда остановка исполнения земского постановления волею местной администрации произошла по соображениям общих государственных польз или «явных» интересов местного населения, начальник губернии обязан вносить дело прежде всего

на рассмотрение ближайшего очередного губернского земского собрания, последующее решение которого в случае дальнейшего несогласия губернатора представляется министру и в случае, если он согласится с мнением губернатора, восходит на рассмотрение Государственного Совета (если дело идет о возвышении земского обложения против однажды определенного земством размера) или в Комитет министров (во всех прочих случаях).

Избрание гласного от крестьян должно производиться каждым волостным сходом; только в случае, если число волостей в уезде не превышает определенного расписанием числа гласных от сельских обществ, губернское присутствие может «разрешить» сходам наиболее населенных волостей избрать по два лица, и тогда губернатор утверждает из их числа комплект гласных от крестьян.

Выше указано на важное изменение в проекте: только по некоторым, прямо поименованным делам закон требует разрешения губернатора для приведения в действие постановления земского собрания, по всем же прочим делам за губернатором сохраняется лишь право протеста в двухнедельный срок, причем самая отмена постановления земства может быть определена только Государственным Советом или комитетом министров (в случае нарушения закона – Сенатом). Указывая на это обстоятельство, мы должны, однако, сказать, что в принципе новый закон все-таки устанавливает подчиненность земства администрации. Губернатору предоставляется надзор за правильностью и законностью действий земских учреждений, в губернские и уездные собрания вводятся представители разных административных ведомств, губернатор дает земским управам «предложение», а от них получает «представление»; губернатору предоставляется производить ревизию земских управ и всех подведомственных земству учреждений. Губернатор утверждает председателей и членов как губернских, так и уездных управ, а министр – председателей управ губернских.

Далее, если министр внутренних дел или губернатор не найдут возможным утвердить избранных в председатели или члены управ, то губернатор предлагает о производстве новых выборов, причем лица не утвержденные уже не допускаются к баллотировке, а если новые выборы не состоятся или на них будут избраны лица, которые вновь не получают утверждения, то оставшиеся незанятыми должности замещаются лицами по назначению министра внутренних дел; все это сильно ограничивает свободу выборов в земские должности. Председатели земских управ должны быть из лиц, имеющих по закону право на вступление в государственную службу, и как они, так и члены управы считаются состоящими на ней, должности их отнесены к известным классам с предоставлениями соответствующих мундиров и пенсий; наконец, председатели и члены земских управ кроме ответственности в порядке уголовном подлежат и взысканиям административно-дисциплинарным: замечаниям, выговорам и даже удалению от должности. Такие дисциплинарные взыскания налагаются на председателей и членов земских управ новым административным органом, создаваемым в каждой губернии под названием губернского по земским делам присутствия, в котором председательствует губернатор; для наложения дисциплинарных взысканий на председателей управы и на членов управ губернских требуется еще утверждение министра внутренних дел, по обсуждении в его совете.

Зачисление земских должностных лиц на государственную службу, очевидно, соответствует выраженной в самом указе мысли, «дабы учреждения эти в предоставленном им круге деятельности и в должном единении с другими правительственными установлениями с вящим успехом исполняли порученное им важное государственное дело». При этом нельзя, однако, не указать на некоторую несогласованность между теми определениями нового закона, которые обращают земскую службу в государственную, и теми, которые, по крайней мере, фактически, оставляют за должностными лицами земства характер избирательно-общественный, —

такую несогласованность, которой не существует в применении к должностным лицам, избираемым дворянством, а именно к его предводителям.

Общий принцип, что лишить должности может только та инстанция, которая дала ее, осуществляется в сфере общественно-избирательной таким образом, что должностные лица, избираемые обществом, и могут быть удаляемы (исключая лишения должности, как одно из последствий судебного приговора) только тем же обществом посредством неизбрания тех же лиц на следующий срок. А между тем, председатели и члены земских управ будут подлежать удалению от должности в порядке административном, причем предварительное обсуждение дела в губернском присутствии и в совете министерства не вносит никакого различия, так как оба этих присутственных места имеют характер административный. Правда, можно возразить, что, признаваясь состоящими на службе государственной, получая чины и выслуживая пенсию, земские должностные лица тем самым ставятся и в условия подчиненности административной. Однако же, предводители дворянства также считаются состоящими на государственной службе и приобретают чины, но относительно их принцип, что должностное лицо, избранное обществом, не может быть удаляемо в административном порядке, проведен в законах с точностью.

Удаление от должности лиц административного состава может быть относимо к числу мер дисциплинарного взыскания, так как административные лица прямо назначаются властью своих начальников. Но по отношению к лицам общественно-выборным самое правило об удалении от должности, если такое правило устанавливается, казалось бы, рациональнее было включить в те статьи закона, которые излагают способ назначения избираемых, срок их полномочия и принадлежащие им права, а не в статьи о дисциплинарной ответственности, помещенные в одной главе (VI) со статьями, относящимися к порядку обжалования распоряжений земских учреждений.

Обращаясь затем, собственно, к тем мерам, которые вполне правильно могут быть отнесены к категории дисциплинарных взысканий – к замечанию и выговору, мы должны заметить, что закон о должностных лицах дворянства не знает и этих, дисциплинарных, в точном смысле слова, мер. Губернатор не может передать на обсуждение губернского правления вопроса о сделании выговора предводителю дворянства, и подобное дело не может обсуждаться и в совете министерства. Теперь же возможны будут случаи, довольно странные при сравнении. Уездный предводитель дворянства зачастую бывает и председателем земской управы. В первом звании он не может подлежать ни удалению от должности, ни выговору по инициативе губернатора, и это вполне естественно, так как предводитель хотя и пользуется правами государственной службы, но закон в нем видит представителя дворянского общества, а не чиновника. Но вот тот же предводитель в своем звании председателя земской управы может подлежать по инициативе губернатора выговору и удалению от должности, несмотря на то, что и председатель земской управы хотя и будет отныне числиться на государственной службе, но по существу является именно представителем земского общества, а не чиновником. К довершению практического неудобства, при соединении в одном лице обеих названных должностей, в звании предводителя дворянства может оставаться человек, удаленный от другой должности в дисциплинарном порядке.

Отметим мимоходом два частных определения нового закона, направленных к возможному устранению в земских собраниях случаев «неприбытия гласных», а в земских управах – «семейных» захватов должностей. В закон включено правило, что никто из гласных не имеет права уклоняться от присутствия на земских собраниях без уважительных причин (прекращение сообщений, болезненное состояние, тяжкая болезнь или смерть близких родственников и особые занятия по государственной службе), причем неоправданное отсутствие может повлечь за собою применение к гласному земским собранием (2/3 голосов) вновь созданной по

этому случаю статьи уложения о наказаниях (указ 12 июня), налагающей следующие меры взыскания: замечания, штраф не свыше 75 руб., а в третий раз штраф не свыше того же размера с исключением из земского собрания на определенный срок в пределах срока самого избрания. При замещении же земских должностей наблюдается («положение»), чтобы по выборным должностям в одном и том же учреждении не служили одновременно лица, состоящие в первой степени свойства и в близких степенях родства (которые тут же определены).

Обращаемся теперь к той стороне нового «положения», которая имеет целью усиление дворянского элемента в составе земских учреждений. Цель эта достигается двояким образом: во-первых, для производства выборов составляются в уезде два избирательных собрания: первое – для дворян, потомственных и личных, второе – из всех прочих лиц. Ценз для участия в выборах остается без изменения, но сверх имеющих установленный земский ценз в избирательное собрание допускаются еще уполномоченные от мелких владельцев недвижимых имуществ в уезде и городах, имеющих ценз не меньший, чем одна десятая общего земского ценза ($1/10$ числа десятин, составляющего земский ценз или оценка имущества в 1500 р.). Такие уполномоченные избираются на особых съездах владельцев названной категории, причем опять съезды бывают отдельно: дворян и недворян. Затем в приложенном к «положению» расписанию числа гласных губернских и уездных собраний приведено правило, чтобы число гласных, избираемых первым (дворянским) избирательным собранием, составляло не менее половины общего числа гласных уездных (для гласных губернских такой пропорции не установлено). По большинству уездов числа определены так, что гласные от дворян составляют половину общего числа гласных *плюс* 1. Но почему-то во многих уездах число гласных от дворян исчислено в половину *плюс* 2. Деление общих чисел, оканчивающихся нулями, в иных уездах дает ровно половину. Одним словом, кроме арифметического приема

– делить четные числа поровну, а нечетные – с накидкой единицы, здесь были еще и особые, быть может, уездно-политические соображения.

Таким образом, недавнее еще «положение» о земских учреждениях 1864 года подверглось весьма существенным изменениям, хотя они далеко не осуществили первоначального проекта покойного гр. Д.А. Толстого.

Публ. по:

Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1890. Кн. 8. С. 176–181.

14. ВИТТЕ С.Ю. МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ ГРАФОМ ТОЛСТЫМ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗЕМСТВАМ. УСИЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЛАСТИ. РЕФОРМА 1890 Г. И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Государственный ум в Бозе почившего Монарха не мирился с уклончивой политикой, с политикой компромиссов; Его Величество решился вступить на вполне определенный третий путь – укрепления самодержавия путем создания сильной правительственной власти.

30-го мая 1882 г. На пост министра внутренних дел был назначен граф Д.А. Толстой. О взглядах нового министра на значение земства в системе нашего государства не было двух мнений; об этих взглядах едва ли надо много говорить. По земскому вопросу граф Толстой разделял воззрения М.Н. Каткова, а воззрения этого последнего хорошо известны. «Русское самодержавие, – писал М.Н. Катков, – не может и не должно терпеть никакой не подчиненной ему или не от него исходящей власти в стране, никакого государства в государстве». «Самоуправление у нас стало грубым двусмыслием». «Система устранения правительства потребовала, чтобы оно отказалось от всякого дела, признавая себя ни к чему не пригодным. Самая администрация в ее разветвлениях по стране объявлена не делом правительства. Против государства выдвинута земля, а под землю на практике разумеются учреждения 1864 г., именуемые земством, – громоздкий аппарат, который в продолжение своего 20-летнего существования дал хорошо почувствовать настоящей земле, т.е. народу, только свою тяжесть и разорительность. Учреждения эти должны быть разумеемы как частные общества; но в то же время им предоставлена власть, которая везде признается только за государством, – власть облагать податями население, распорядиться общественными деньгами, выбирать мировых судей, заведовать крестьянскими делами, народными училищами и пр., и пр., с притязанием оттеснить от всего правительство, притязанием, которое, благодаря доктрине, поддерживается и поощряется высшими

государственными учреждениями. Наряду с так называемыми земскими учреждениями, и в том же смысле, поставлены городские думы. Все это называется местным самоуправлением. Правительственная администрация не знает, в чем заключается ее обязанность, и с каждым днем теряет почву и умывает во всем руки. Главная пружина всякого управления – ответственность – перестала действовать».

Политика, принятая графом Толстым по отношению к земствам, была весьма тверда и определена. «Министр борьбы» неуклонно подавлял все конституционные поползновения земств, т.е., иначе говоря, всякие попытки этих последних выйти из узких сфер дел местных, всякое стремление к объединению их деятельности и всякую агитацию в пользу подобных попыток. Имеются указания, что, хотя взгляды министра внутренних дел не оставляли никаких сомнений, отдельные земства пробовали ходатайствовать об установлении земских съездов и о разрешении им принять участие в обсуждении законопроектов. Все подобные ходатайства категорически отклонялись; земствам и губернаторам давались соответственные разъяснения относительно их прав и обязанностей, а полтавский губернатор во _сеподданнейших отчете за 1884 г. Предлагал даже, чтобы в заседаниях земских собраний присутствовали лица прокурорского надзора, на обязанности которых было бы возложено останавливать возбуждение и обсуждение вопросов, законом не разрешенных. В отдельных случаях, когда среди земств проявлялось упорное «сопротивление» правительственным установлениям, для преодоления сопротивления правительству приходилось прибегать к весьма крутым мерам.

Так, вследствие заявления новгородского губернатора во _сеподданнейших отчете за 1884 г. О систематической оппозиции правительству череповецкого земства, Высочайше утвержденным 7-го июня 1888 г. Положением Комитета министров предоставлено было министру внутренних дел на три года возложить на правительственную комиссию

обязанности и полномочия, входящие в круг ведомства уездной земской управы и представительства местного земства в уездных учреждениях.

Принятыми графом Толстым мерами открытая агитация среди земств весьма скоро была прекращена, но скрытое брожение продолжало существовать. Совершенно ясные указания о нем имеются во _сеподданнейших отчетах губернаторов.

Так, в отчете за 1887 г. Вятский губернатор заявлял, что вследствие крайне вредного направления партии земских либералов в деле народного образования, составляется разряд людей, из которого легко вербуется контингент для враждебных правительству действий, и что, в частности, личный состав статистического отделения при губернской земской управе не может пользоваться доверием. Против таких заявлений губернатора последовали Высочайшие отметки «Печально», «Почти везде то же самое».

Мерами репрессии, несомненно, подавлялись проявления политической тенденции земств, но вместе с тем подавлялась всякая самодеятельность в земском деле. Передовые земцы либо охладевают к земской деятельности, либо совершенно от нее устраниваются; место их часто заступают лица, преследующие уже не интересы земского дела, а свои личные виды. Губернаторы большинства губерний продолжают настойчиво указывать на общий полнейший упадок земских учреждений, на неудовлетворительное их состояние; такие заявления вызывают Высочайшие отметки: «Это не ново», «Меня не удивляет». Нужно заметить при этом, что объяснения начальников отдельных губерний весьма красноречиво рисуют действительное положение дела. Губернаторы заявляют, что холодное отношение земских деятелей к своим задачам объясняется ожиданием реформ, что распорядителями земского дела являются волостные писаря и даже сидельцы питейных заведений, попадающие на места председателей и членов земских управ путем происков и интриг, что в сфере земской деятельности обнаруживаются хищения, подкупы и попустительство и т.п.

Граф Толстой понимал, что мерами репрессии можно лишь временно подавить, но нельзя совершенно уничтожить общую нежелательную для правительства тенденцию земства, что, равным образом, одними предписаниями и внушениями, замечаниями и постановлениями на вид нельзя оживить дела, возбудить к нему интерес, и что корень печального положения земства лежит в ненормальных его отношениях к правительству, а основная причина этих последних в Положении 1864 г. – в самостоятельности земских учреждений, в их выборном всесословном начале. Прямым отсюда выводом был пересмотр Положения 1864 г., а результатом пересмотра явилось Положение 1890 г. Но прежде чем говорить об этом последнем Положении, для правильного понимания его действительного значения в истории наших земских учреждений необходимо заметить, что его инициатору не пришлось довершить начатого им дела. Смерть унесла в могилу графа Толстого прежде, чем проект намеченной им реформы был заслушан в Государственном Совете, где он подвергся существенным изменениям. Поэтому для уяснения основной мысли покойного министра внутренних дел и для уразумения тех начал, которые положены были им в основание Положения 1890 г., надо обратиться к первоначальному проекту.

В проекте этом бывший министр внутренних дел соображения свои (как бы в прямое опровержение основной посылки Вашей записки) начинал прямо с заявления, что «Положение о земских учреждениях 1-го января 1864 г. Внесло в наше законодательство два новых начала: исключительно выборное, на бессословном представительстве основанное, устройство местных по хозяйственным делам установлений и полную обособленность их от правительственных органов управления». Эти начала «не имеют оправданий в нашем историческом прошлом» (стр. 6) ... «все местное управление оказывается как бы раздвоенным: рядом с сферой действия правительственных лиц и властей существует особый круг дел, в котором всецело господствуют земские власти. Граница между тою и другою

областью деятельности резко проведена самим законом и на практике ревниво охраняется с обеих сторон от всяких нарушений. Она оставлена под верховную защиту Правительствующего Сената, который по Положению 1-го января 1864 г. Облечен полномочиями судьи и посредника между правительством и земством в случаях взаимных между ними пререканий и призван к ограждению компетенции и прав, предоставленных местным административным и общественным учреждениям, от взаимных посягательств» (стр. 11). «В отношении политическом, – говорилось далее в проекте (стр. 11 – 12), – упомянутое начало, столь наглядно выразившееся как в первоначальных законоположениях о земских учреждениях, так и в последующей практике высших государственных установлений по земским делам, не могло не отразиться на общем направлении лиц, посвятивших себя земской деятельности, равно как и на отношениях к ним представителей правительства в составе местной администрации ... в тех и других воспитывается тот дух взаимного недоверия и противодействия, который не допускает возможности плодотворной совместной деятельности администрации и земства и который с первых же лет по введении земских учреждений стал обнаруживаться почти повсеместно, систематическою с их стороны оппозициею правительству. Эта оппозиция в прежнее время (а ныне вновь в записке Вашего Превосходительства²) приписывалась тому обстоятельству, что преобладающее на земские дела влияние оказывалось нередко в руках лиц политически неблагонадежных. Между тем, подобные случаи хотя и встречались на практике, но лишь в виде исключений, и объяснить ими указанное общее направление земской деятельности едва ли возможно. Направление это тем более достойно внимания, что земские учреждения введены только в коренных русских губерниях, преданность населения коих государственным традициям не может подлежать сомнению, а также в тех южных и восточных окраинах Империи, в которых никогда не проявлялись серьезные сепаратические стремления. Если же и в этих

---

² Имеется в виду записка С.Ю. Витте – прим. авт-сост.

местностях, составляющих ядро государства и саамы надежный оплот государственных начал, оппозиция правительству свила себе прочное гнездо в земстве, то причину сего прискорбного факта следует искать в том, что само законодательство создало почву для такой как бы официальной оппозиции, а административная практика способствовала ее постоянному развитию».

Находя такое положение дела и раздвоение властей явлением ненормальным и вредным, указывая на недостатки земской деятельности и на отсутствие у губернаторов какой-либо активной власти для устранения этих недостатков, граф Толстой признавал существенно необходимым «приступить к такой реформе, которая пресекла бы зло в самом корне и устранила бы указанную выше основную причину земского неустройства. Надлежит отрешиться от установившегося в начале шестидесятых годов ложного воззрения, что земство и земские нужды составляют нечто особое от государства и его потребностей и что земские дела подлежат исключительному ведению самостоятельных органов земского самоуправления. Следует возвратиться к прежнему, до того времени господствовавшему взгляду на земство и признать, что земское дело есть дело государственное, в котором решающий голос принадлежит правительству, и что земские учреждения должны быть учреждениями государственными, существующими и действующими на почве государственного права» (стр. 18). «Дело государственное, – говорилось далее в проекте, – может быть поручаемо лишь государственным установлениям, от правительства зависящим. Между тем, какие бы меры ни были приняты по отношению к выборным земским управам, ни всегда оставались бы учреждениями частными, а не правительственными, и руководились бы в своей деятельности исключительно волею земских собраний. Таким образом, в случае сохранения выборного начала относительно замещения должностей в составе исполнительных земских органов, главная цель предпринимаемого преобразования – введение земских

учреждений в общую систему государственного управления – осталась бы недостигнутой, а с тем вместе не могло бы быть осуществлено и подчинение означенных органов непосредственному надзору и руководству правительства, ибо установление такого надзора за учреждениями выборными составляет неразрешимую на практике задачу» (стр. 37).

Из всех этих рассуждений следовал, в сущности, один только вывод – полное упразднение земских учреждений и замена их органами правительственными, но граф Толстой поступил иначе: в проекте развивалась государственная теория самоуправления – доверенные земству дела признаны делами государственного управления, в дальнейших же практических выводах проекта теория эта получила довольно своеобразное применение. В науке общепризнано, что государственная теория должна пониматься не в том смысле, будто самоуправление должно сделаться подчиненным органом администрации, а в том, что выборное, сословное, самостоятельное и ответственное лишь по закону управление это по отношению к населению должно являться действительною властью со всеми ее правами и преимуществами – граф Толстой поступил как раз наоборот. По проекту его предполагалось, не предоставляя земским учреждениям никакой власти по отношению к населению, поставить их в сфере их деятельности в полное подчинение администрации, заменить земские управы присутствиями из лиц, назначаемых правительственной властью, и преобразовать земское представительство на сословном начале, придав притом ему характер повинности.

Можно, конечно, оспаривать правильность теоретических воззрений графа Толстого, можно не соглашаться с практическими его выводами из созданной им теории, но нельзя не признать, что намеченная им цель преобразования земского управления – «отменить допущенную Положением 1-го января 1864 г. Самостоятельность земских учреждений» – была поставлена совершенно ясно и точно. При осуществлении его проекта в первоначальном виде сословное земство обратилось бы в сословное,

выборное начало сведено было бы к нулю, а земские управы превращались бы чисто бюрократические, находящиеся в полном распоряжении и подчинении губернатора учреждения, при которых состояли бы сословные, чисто совещательные и не имеющие никакого значения собрания. Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что первоначальный проект графа Толстого был, в сущности, проектом об упразднении всесословного самоуправления.

Как указано выше, графу Толстому не пришлось самому довершить свое начинание. В дальнейшем ходе оно подверглось существенным изменениям, и можно думать, что изменения эти во многом объясняются неопределенною, неотчетливою постановкою вопроса, какая дана была в проекте. При иной, определенной постановке вопрос получил бы и определенное разрешение: либо земским учреждениям дана была бы действительно правильная организация, либо, если не все, то имеющие государственное значение функции их были бы переданы органам правительства, которое пришлось бы тоже обновить и переделать; но, в данном случае, составляя свой проект, граф Толстой не отступил от привычной политики министерства внутр[енних] дел по отношению к земским учреждениям. Свою мысль – упразднить в сущности земство – он не выразил в своем проекте прямо; под видом правильного развития начал самоуправления он желал оставить внешнюю форму последнего, но лишив ее всякого внутреннего содержания. Конечно, такая постановка вопроса вызвала, да и не могла не вызвать, ряд самых основательных возражений со стороны других ведомств и в среде Государственного Совета, ибо мотивы записки министра внутр[енних] дел, в которой развивалась государственная теория самоуправления, никак не сходилась с ее заключением, где проектировалось уничтожение самоуправления и замена его учреждениями бюрократическими.

Из последовавших возражений самого глубокого внимания заслуживает отзыв бывшего государственного контролера. Опытный

государственный деятель в следующих словах метко характеризовал слабую сторону проектированной реформы земских учреждений: «Если нынешняя компетенция земских учреждений не может возбудить к себе в населении достаточного интереса, чтобы привлечь к делу лучших людей местности, то можно ли надеяться, чтобы такие люди стали охотно посвящать ему свои труды в приготовленной для них новой ограниченной роли? Можно, конечно, путем штрафов и взысканий заставить приезжать на выборы и заседания, класть шары и подписывать журналы, но невозможно заставить относиться к делу с любовью, действовать и решать разумно и добросовестно. Земские собрания, по-прежнему собираясь ежегодно и заседавая в течение известного срока, но лишённые инициативы и власти, лишённые влияния на состав исполнительных земских учреждений, считая себя свободными от действительной ответственности за ход земского дела, с трудом избегнут двух крайностей: или сделаться лишь исполнителями мертвой формы, совершенно ненужным звеном в управлении, или стать центром бесплодной критики и праздной агитации против губернского начальства и правительства»... «Вполне верно, что дело земского хозяйства не следует обособлять от государственных дел, что правительство не может вполне устранить себя от попечения о местном благоустройстве и что лучших результатов в этой сфере можно ожидать от совместной деятельности правительственных органов с представителями местного населения. Но целесообразное применение этой мысли к законодательству, т.е. образование системы учреждений, правильно осуществляющих связь интересов государственных и местных, есть задача, которую, по моему мнению, нельзя уложить в рамки положения о земских учреждениях, сложившегося под влиянием совершенно других мыслей. Она требует соображений всей совокупности дел местного благоустройства и хозяйства, распределённых между разными установлениями, и может найти верное выражение не в переделанном Положении 1864 г., а лишь в законоположении

более общего характера, устанавливающим организацию и порядок местного управления губерний и уездов».

В результате предъявленных возражений и сделанных по ним уступок явилось Положение 1890 г., которое оказалось поэтому новой полумерой в истории земских учреждений. Оно не упразднило земства, оно обезличило и обесцветило его; не уничтожило и сословного начала, но придало сословную окраску; оставило выборные управы, но службу в них признало службою государственною; не сделало из земских учреждений действительных органов власти и не ввело их в общий строй правительственных установлений, но увеличило над ними опеку губернаторов; оставило по-прежнему за земскими собраниями самостоятельное разрешение большей части предоставленных им ведению дел, не уполномочив правительственные установления изменять постановления земских собраний, но усилило право губернаторского протеста, – лишь отрицательное право запрещать и останавливать.

Несмотря на важные, с первого взгляда, изменения прежнего Положения, несмотря на явное стремление нового, ныне действующего Положения усилить влияние правительства на земские дела, отношения между правительственными органами и земскими собраниями и ныне остаются на почве прежней противоположности земства правительству; это все те же отношения как бы двух спорящих сторон, взаимные пререкания между которыми по поводу нарушенных прав разбираются смешанною коллегиею (губернским по земским делам присутствием) и Правительствующим Сенатом, т.е. теми же установлениями, посредничество которых граф Толстой в своем проекте решительно отвергал в видах устранения двоевластия (стр. 17 и 45). Записка Вашего Высокопревосходительства утверждает, будто теперь, после реформы 1890 г., земские учреждения должны быть признаны введенными бесповоротно в систему местных правительственных органов, так как в настоящую минуту исчезают всякие основания к признанию этих учреждений чем-то

обособленным от органов правительственной власти (стр. 46–47). Но это заверение не отвечает действительности. Составители записки, вероятно, не дали себе труда сопоставить соответственные постановления обоих Положений – 1864 и 1890 гг.

Между тем, сравнение постановлений нового и старого Положений ясно показало бы, что одно из существенных изменений в отношении правительства к земству заключается, главным образом, в усилении права губернаторского протеста, но в этом праве едва ли можно видеть единение правительства с земством. Наоборот, усиление этого именно права лучше всего и доказывает, что земские учреждения вовсе не введены в систему местных правительственных органов министерства внутр[енних] дел; протестовать можно, но только против постановления органа самостоятельного; органу же подчиненному всякий начальник дает предписания и приказания.

Мало того, введение земских учреждений в систему местных правительственных органов не подтверждается даже текстом отдельных статей действующего закона. Так, например, ст. 62-я Положения 1890 г. Прямо в своем тексте противопоставляет земские учреждения правительству и губернскому начальству.

Не неся никаких коренных изменений в отношении земств к органам правительства, закон 1890 г. не внес никаких существенных перемен и в самую организацию земских учреждений. По-прежнему учреждения эти остаются зданием и без крыши, и без фундамента, по-прежнему у них нет тесной связи ни с центральным управлением, ни с своими местностями. Записка Ваша, правда, утверждает, будто Положение 1890 г. Установило связь земских учреждений с местностью путем децентрализации земского управления; но, в действительности, громкому названию «децентрализация» едва ли может соответствовать указываемое в записке предоставленное земским учреждениям по новому положению право избирать в помощь управе неограниченное число лиц и особых участковых попечителей для

наблюдения за исполнением обязательных постановлений земских собраний с правом привлекать к суду нарушителей этих постановлений. Созданием должностей подобных прокуроров от земства не создается еще связи последнего с местностью; эта связь может быть установлена только созданием мелкой ячейки самоуправления, о которой неуклонно ходатайствовали земства, но о которой в Положении 1890 г. Нет помину. С главной массой населения губернии, с крестьянством, земство разобщено; между ними законом 1889 г. Поставлена власть земских начальников, которых записка Ваша хотя и зачислила в органы самоуправления, но которые в действительности ничего общего с земством, кроме своего названия, не имеют.

Все эти соображения приводят к бесспорному заключению, что положение 12-го июля 1890 г. Было, в намерении его составителя, шагом по пути к упразднению земских учреждений, но никак не коренным преобразованием земского самоуправления. Можно признавать, что закон 1890 г. Внес некоторое улучшение в организацию земств, можно держаться и противоположного мнения; но рассматривать Положения 1864 и 1890 г. Как результаты применения двух диаметрально противоположных принципов никоим образом нельзя. Подробности, детали организации неодинаковы, но схема их та же самая, и в нашей научной литературе справедливо было замечено, что с изданием Положения 1890 г. В нашем провинциальном управлении осталось прежнее раздвоение, с иною только окраской.

Вывод вполне подтверждается и практическим применением нового Положения. Хотя записка Вашего Высокопревосходительства и утверждает, что все указываемые мною недостатки в деятельности земских учреждений объясняются лишь несовершенствами Положения 1864 г., но это утверждение нуждается в ближайшем рассмотрении. Необходимо выяснить, в какой мере действительно Положение 1890 г. Устранило эти недостатки, достигло ли оно дружной работы земств с органами правительства, уничтожило ли взаимное недоверие, объединило ли оно земскую

деятельность, оживило ли ее, изменило ли, наконец, политическую тенденцию этой деятельности.

К сожалению, министерство внутр[енних] дел, располагающее, казалось бы, всеми данными о ходе земского и городского хозяйств, не привело ни одного факта, который доказывал бы то «упорядочение земского дела», которое, по его мнению, достигнуто Положением 1890 г. Поэтому сравнение между деятельностью прежних и новых, преобразованных в истекающем десятилетии, органов местного самоуправления приходится проводить на основании данных, имеющих в распоряжении финансового ведомства. Эти данные, хотя далеко не полные, но, тем не менее, весьма важные, основанные, главным образом, на заявлениях самого министерства внутр[енних] дел, рисуют настоящее положение обыкновенных земских учреждений совсем в ином виде, чем представляет его записка Ваша.

Публ. по:

Витте С.Ю. Самодержавие и земство. Stuttgart, 1903. С. 135–146.

15. [ЦЕРТЕЛЕВ Д.Н.] УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОС

Беспорядки в наших высших учебных заведениях повторяются периодически и редко проходит два-три года без волнений в том или другом университете. Причины этих волнений почти всегда настолько ничтожны, а требования недовольных настолько нелепы, что можно было бы только удивляться, как люди, вышедшие уже из детского возраста и прошедшие через серьезную подготовительную школу, могут увлекаться подобными нелепостями. К сожалению, как бы ни были несообразны воззвания зачинщиков беспорядков, начавшееся волнение заразительно и скоро принимает такой же эпидемический характер, как корь или скарлатина, ввиду этого и условия, содействующие развитию болезни, почти те же самые, т.е. многолюдность и скученность лиц, склонных к заболеванию, и неблагоприятные гигиенические условия.

Высшее образование в России находится несколько в иных условиях, чем в Западной Европе, где оно почти не связано ни с какими практическими целями и преимуществами: там избыток людей с высшим образованием дает возможность в университетах преследовать исключительно научные цели помимо их отношения к практической жизни. У нас, наоборот, почти все учебные заведения, с одной стороны, должны служить подготовлением к практической деятельности, а с другой преимущества, связанные с окончанием в них курса, должны служить «приманкой» для возможно большего числа лиц, в сущности нисколько не желающих учиться. Если такой порядок вещей имел некоторые основания сто лет тому назад, положение значительно изменилось с тех пор, и количество лиц, обладающих если не высшим образованием, то университетскими дипломами, по крайней мере, в некоторых сферах государственной и общественной деятельности, стало более чем достаточным.

Между научными знаниями и сведениями, необходимыми для практического деятеля, существует тесная связь, но нельзя делать одно мерилom другого, и в этом отношении учреждение государственных

экзаменов составляет громадный шаг вперед. К сожалению, не только студенты, но и многие из профессоров не сумели или не захотели оценить истинного значения этого шага.

Только тогда, когда в университет будут поступать ради университетского образования, а не ради университетских дипломов, связанных со служебными преимуществами, образование получит действительно научный характер. Говорят, что серьезное применение государственных экзаменов встречает препятствие в недостатке лиц, способных принять участие в экзаменационных комиссиях. Если речь идет о филологическом или физико-математическом факультетах, то оно может быть и так; но эти факультеты имеют и теперь уже почти исключительно научное и педагогическое значение. Если же речь идет о медицинском и юридическом факультетах, то трудно поверить, как ни мало у нас серьезных практических деятелей, чтобы между юристами и врачами-практиками не нашлось нескольких десятков людей, способных убедиться, действительно ли испытуемые обладают достаточной степенью развития и познаний для того, чтобы с полным успехом заниматься избранною ими специальностью. Полное отделение прав, связанных с дипломами высших учебных заведений, от обязательного пребывания известного числа лет в стенах этих заведений, сразу сократит число учащихся в них, вероятно, более чем наполовину, но вместе с тем повысит уровень преподавания.

Говорят, что единственным способом приготовления к государственным экзаменам останутся те же высшие учебные заведения. Это не совсем так, но, допустив даже справедливость подобного возражения, отношения между преподавателями и учащимися сразу должны будут измениться.

Вместо того, чтобы видеть в профессорах прежде всего экзаменаторов, которые по собственному произволу могут читать им что угодно и потом ставить какой угодно балл на экзамене, студенты, поступающие даже

исключительно ради диплома, должны будут думать, что профессора облегчают им получение прав, составляющих практическую цель их занятий.

Публ. по:

Современная летопись // Русское обозрение. 1890. Т. 2. Апрель. С. 874–876.

16. ЛЕОНТЬЕВ К.Н. НАД МОГИЛОЙ ПАЗУХИНА

Сколько бодрых жизнь поблекла,
Сколько низких рок щадит!
Нет великого Патрокла,
Жив презрительный Терзит!
(Жуковский, "Торжество победителей")

Умер Пазухин, которого имя так неразрывно связано с великим *исправительным* движением 80-х годов. Давно ли мы погребали и гр. Дмитрия Толстого, который сумел оценить Пазухина и избрал его себе в помощники в то время, когда решился так смело и почти неожиданно приступить к перестройке расшатанного эгалитаризмом российского государственного здания?

Рухнули в вечность два столпа Церкви Русской — Алексей и Никанор.

А "Вестник Европы" жив. Издаются по-прежнему "Новости", и все тем же Нотовичем. Даже Шелгунов, и тот еще печатает свои творения.

И все эти русские и полурусские Терзиты не только живы и действуют, но даже за последние два года им посчастливилось втянуть в свою заразительную трясину и такого Аякса мистической и философской мысли, как Владимир Соловьев!..

И старый безумец Лев Толстой продолжает безнаказанно и беспрепятственно проповедывать, что Бога нет, что всякое государство есть зло и, наконец, что пора прекратить существование самого рода человеческого на земле.

И он не только жив и свободен, но и мы сами все, враги его бредней, увеличиваем его преступную славу, возражая ему!..

Как же быть? Что делать? Чему верить? На что нам надеяться?

Разные течения жизни и мысли русской теперь так противоположны и так сильны.

Начнешь думать, начнешь вспоминать то, что видел, что слышал, что читал за последние пять лет... И не знаешь — какому чувству дать волю: радости или скорби за родину? — надежде или унынию? — стыду или

гордости? Правильные, здоровые, целительные русские чувства и понятия, правда, растут, растут с давно неслыханною силой; но и силы разрушительные, идеалы космополитической пошлости ничуть еще не хотят сдаваться... А в соседней и, к несчастью, уже столь близкой нам по духу Европе, все чаще и чаще слышны глухие удары подземного огня.

Медленно, но *верно* растет вглубь и вширь сила *последней* революции, несльянной до нашего века в истории попытки все сравнять в однообразии "среднего" рабочего человека.

В Португалии, в Бельгии, в Италии, в Англии, во Франции, в Германии — везде, на глазах наших, все зреет и зреет социальный вопрос.

Религия везде почти в презрении или открыто гонима.

В значение монархического начала для Европы XX века (который все ближе и ближе к нам с каждым днем) кто, по совести говоря, может верить? Разве тот, кто не умеет читать живую книгу современной истории...

Все западные континентальные державы на глазах наших легко могут стать такими же умеренно-якобинскими республиками, как Франция.

Даже *лично* все современные нам монархи Запада не обещают ничего особенного; все они, за исключением Вильгельма II, или бездарны, или малолетни, или бессильны. Ни об одном из них не слышно ничего знаменательного.

Вот и мудрейшие из всех людей на Западе — представители римского духовенства — и те, в лице кардинала Лавижери, предлагают церкви своей примириться с республикой...

В Европе теперь единственная, *пока* еще действительная, монархическая сила видна только в положении германского императора. И то благодаря лишь тому, что "военные лавры" Гогенцоллернов еще свежи и не помяты жесткой рукой исторического рока. Но император Вильгельм хочет мчаться "на всех парах" к мечтательным целям, и пошатнись только он, потерпи только он одно серьезное поражение на поле какой-нибудь битвы, —

что останется тогда в разъединенной либерализмом Германии от монархии Гогенцоллернов, кроме исторической памяти?

Да! Европа идет все быстрее и быстрее теперь к осуществлению того идеала всеобщей "мещанской" республики, о котором многие только мечтали и писали полвека тому назад.

Мне могут возразить, что социализм рабочих есть злейший враг того капиталистического мещанства, которое исключительно господствует в таких республиках, как нынешняя французская и все без исключения республики Нового Света; и что, признавая неотвратимый и непрерывный рост социализма, нельзя верить в будущность того якобинизма, который по сию сторону Атлантического океана осуществлен пока лишь в одной Франции...

На это я отвечу так: конечно, повсеместное господство мещанского капитализма может быть весьма непродолжительно. Но *пережить* его придется всей Европе неизбежно. С чистой повсеместной капиталистической и "рациональной" республикой социализму, выждав свое время, гораздо легче будет справиться, чем с таким более сложным обществом, в котором церковь, монархия и высшие сословия еще не совсем утратили свое влияние.

Окончательная победа социализма или совершенная его негодность одинаково могут обнаружиться с полной ясностью только тогда, когда, по выражению Карлейля, "голод и дендизм (богатство, роскошь) станут лицом к лицу"⁴. Только тогда возможно будет решение этой страшной тяжбы, когда, кроме этих двух антагонистических сил, богатства и нужды, труда и капитала, не будет уже никакой третьей, вне их и над ними стоящей, регулирующей и примиряющей общественной силы.

Религия играет теперь везде на Западе второстепенную и служебную роль; серьезные привилегии сословий и общин почти все давно уничтожены; еще держится кое-как монархия.

Но и она должна погибнуть.

Еще в 40-х годах большинство представителей теоретического социализма утверждало, что демократическая республика есть та политическая форма, при которой единственно возможно осуществление социальных задач.

Вот почему я говорю, что мещанскую всеобщую и, быть может, и федеративную (т. е. *международную*) республику придется Западу скоро переживать.

Слова Пруд она, сказанные им в 51-м году, оказываются теперь пророческими словами. "Церковь, — говорит он, — как умирающая старая грешница, молит о примирении; боги ушли; цари уходят; привилегии исчезают; все хотят быть тружениками, "рабочими". С одной стороны, потребности удобств и некоторого изящества отвращают в наше время уличную толпу от прежнего грубого "санкюлотизма"; с другой — аристократия, ужасаясь своей малочисленности, спешит укрыться в рядах буржуазии... Франция, выражая все более и более свой истинный характер, дает пример и толчок всему свету, и революция торжествует, *воплощенная в среднем сословии*".

Я совершенно согласен с Прудом. Революция XVIII и XIX веков вовсе не значит террор какой-нибудь и казни (террор может быть и "белый"); она не есть ряд периодических восстаний (восстания Польши; восстания басков в Испании, Вандея во Франции были *реакционного*, а не *революционного*, не *уравнительного* характера); революция не есть какое-нибудь вообще *антилегальное движение* (не все *легальное* зиждительно, и не все с виду *беззаконное* разрушительно); такие определения *современного нам революционного движения* односторонни, узки и сбивчивы.

Если же мы скажем, вместе с Прудом, что революция нашего времени есть стремление *ко всеобщему смешению* и *ко всеобщей ассимиляции* в *тип среднего труженика*, то все станет для нас понятно и ясно. Пруд он может желать такого результата; другие могут глубоко ненавидеть подобный идеал; но и врагу, и приверженцу станет все ясно при

таком определении революции. Европейская революция есть всеобщее *смещение*, стремление уравнять и обезличить людей в типе *среднего*, безвредного и трудолюбивого, но безбожного и безличного человека, — немного эпикурейца и немного стойка, Для Запада это ясно. Но кто возьмется решить теперь, будет ли эта ассимиляционная революция *неотвратимо всемирной*, или найдет и она свой естественный и непреодолимый предел?

И если встретит она, наконец, могучий и победоносный отпор, — то откуда ждать его?

От "потрясенного Кремля"? Или от "стен недвижимого Китая"⁵?

Подумаем, вспомним, окинем умственным взглядом нашим весь земной шар.

Где *новые*, сильные духом неизвестные племена?

Их нет нигде. Азиатские народы — древни, африканские — бездарны, Америка — это все та же Европа, только более грубая и более бедная историческим содержанием. Америка, молодая государственно, — национально и культурно очень стара.

Все человечество старо. И недаром у него сухой рассудок все растет и растет; а воображение, чувство, фантазия и даже воля — все слабеют и слабеют.

Не молоды и мы. Оставим это безумное самообольщение!

Быть в 50 лет моложе 70-летнего старика — еще не значит быть юным.

Быть исторически немного (быть может, лет на 100) моложе Франции, Англии, Германии — еще не значит быть молодым государством, а тем более молодой нацией, как думают у нас многие.

Печальная иллюзия! Опасная ошибка!

Не вернее ли, не полезнее ли, ничуть не падая духом, но и не ослепляясь привычными фразами, "не обрастая словами"³ (как любят

---

³ Это удачное выражение "обрастать словами" принадлежит не мне, а Каткову. Катков про И.С. Аксакова говорил: "Он весь *оброс* словами!" Удивительно верно!

обрастать ими, например, все "чистые" славянофилы), сказать себе так: — Нет, мы не молоды! В некоторых отношениях мы даже дряхлы и не чужды всем тем недугам, которыми обыкновенно страдают стареющие народы. Но есть старость — и старость. Есть организмы, которые очень долго могут бороться с одолевающими их недугами последнего разрушения, и есть другие, которые не в силах вынести такой долгой борьбы. И мы не молоды уже, но благодаря тому, что правительство наше не отступилось от Церкви, и благодаря тому, что Церковь Восточная всегда считала и считает Монархическую форму правления наилучшей формой для осуществления воли Божией на земле, — мы еще не скоро сядимся. Мы не осуществили еще в истории назначения нашего; мы можем думать и мечтать об этом назначении весьма различно. Но несомненно и то, что мировое назначение у нас есть; ясно и то, что оно еще не исполнено. *Мировое* не значит — *сразу и просто космополитическое*, т. е. к своему равнодушное и презрительное. Истинно мировое есть прежде всего *свое собственное*, для себя созданное, для себя утвержденное, для себя ревниво хранимое и развиваемое, а когда чаша народного творчества или хранения переполнится *тем именно особым напитком, которого нет у других народов* и которого они ищут и жаждут, тогда кто удержит этот драгоценный напиток в краях национального сосуда?! Он польется сам через эти края национализма, и все чужие люди будут утолять им жажду свою.

Я говорю: важно и спасительно для стареющей России не только то, что государство у нас не отступает от Церкви, но и то, что Восточная Православная Церковь Монархическую форму правления вообще почитает за наилучшую для *задержания* народов на пути безверия, для наиболее позднего наступления *последних времен*. И это не только у нас, в России, но и в среде восточных единоверцев наших так думали еще недавно все те люди, у которых религиозные чувства не были подавлены, и совращены с прямого пути эмансипационным национализмом. Например, было время, когда именно самые умные и самые религиозные из греков находили власть

султана более полезной *для веры*, чем власть афинского парламента. Если все это позднее значительно изменилось, то, конечно, не *по существу* дела, но потому, что турки стали теперь слишком современными "*европейцами*", в самом дурном, антирелигиозном значении этого слова. Они стараются *ослабить* веру своих православных подданных, чего в старину они вовсе не имели в виду. В старину они угнетали *их самих*, как людей, но *их веры*, их церковных порядков они не касались.

Есть у меня небольшое поучение Епископа и затворника Феофана⁴, под названием "Отступление в последние дни мира".

Вот как понимает этот мыслящий аскет великое, *мистическое* значение *какой бы то ни было* Монархической власти, а тем более, конечно, православной.

Изобразивши сначала, как будут возрастать все больше и больше и неверие, и *разноверие*, до того, что наконец почти у каждого будет своя вера, преосвященный Феофан продолжает так: "Древние толковники Св. Писания силою, удерживающею явление антихриста, считали, между прочим, и Римское Царство. В их время, когда Римское Царство еще существовало, можно было на него указывать, основываясь на пророчестве Даниила. В наше время если можно давать какой-нибудь вес подобной мысли, то разве в том отношении, если под Римским Царством будем разуметь Царскую власть вообще. Царская власть, имея в своих руках способ удерживать движения народные и держа сама начал христианских, не попустит народу уклониться от них, будет сдерживать его.

А так как антихрист главным делом своим будет иметь отвлечение всех от Христа, то он и не явится, пока будет в силе Царская власть. Она не даст ему развернуться и помешает ему действовать в его духе. Вот это и есть удерживающее.

Когда же всюду заведут самоуправство, республики, демократию, коммунизм, — тогда антихристу откроется простор для действия. Сатане

---

⁴ Тамбовского или Воронежского — не помню.

не трудно будет готовить голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции прошедшего и нынешнего столетий. Некому будет сказать властное "veto" (не позволяю), а смиренного заявления веры и слушать не станут. Вот когда заведутся всюду такие порядки, благоприятствующие раскрытию антихристовских стремлений, тогда явится и антихрист. До того же времени подождет, удержится.

На эту мысль наводят слова св. Златоуста, который в свое время представлял Царскую власть под видом Римского государства. "Когда, — говорит он, — прекратится существование Римского государства (т. е. Царской власти), тогда придет антихрист; а до тех пор, пока он будет бояться этого государства (т. е. Царской власти), никто скоро не подчинится антихристу. После же того, как оно будет разрушено и водворится безначалие, — он устремится похитить власть и Божескую, и человеческую". Можно бы возразить при этом, что народ сам будет блюсти свою веру. Но трудно допустить, чтобы вера с течением времени возрастала в своей силе все более и более. *Приятно встречать у некоторых писателей светлые изображения Христианства в будущем⁵, но нечем оправдать их.* Точно благодатное Царство Христово расширяется, растет и полнеет, *но не на земле — видимо, а на Небе — невидимо*, из лиц, и там, и здесь, в царствах земных, приготавливаемых туда спасительною силою Христовою. *На земле же Самим Спасителем предречено господство зла и неверия; оно и расширяется видимо, и когда уже очень возобладает, тогда дело будет только за почином;* подай только кто-либо влиятельный пример или голос сильный, и отступление от веры начнется.

Этот почин и сделает антихрист. Отсюда можно заключить, что удерживающее явление его есть еще и то, что нет должной подготовки к принятию его, еще не взяли перевес неверие и нечестие, еще много веры и добра в роде человеческом". (Душеполезные размышления. Выпуск 7, 1881

---

⁵ Напр., у Достоевского и Влад Соловьева (Примеч. К. Леонтьева. — *Сост.*)

г. "Отступление в последние дни мира" — преосв. Еп. Феофана, стр. 9—14.)

Так думает Еп. Феофан.

Что ж следует из этого? Какое отношение имеет это широкое, всемирное и печальное пророчество к тем скромным, по-видимому, практическим и даже будничным задачам, которые имели в виду граф Д. Толстой и Пазухин?

Отношение весьма тесное, по-моему.

Если стать на духовно-церковную точку зрения Епископа Феофана; если принять вместе с ним, что республика (*в наше время, конечно*) неизбежно, через равномерную и слишком большую личную свободу, ведет к безбожию, к торжеству антихристианских начал, ибо при этой форме правления нет уже никакой *внешней силы*, которая могла бы, посредством множества разнообразных мер ограждения, задерживать ход *внутренней* заразы, если вспомнить при этом о взглядах тех государственных людей и мыслителей, которые не верили в прочность монархий *смешанных, бессловных, эгалитарных*, то станет ясно, что и с точки зрения *истинного Христианства, духовно-церковного, именно в наше время, неравноправность политическая* (и даже отчасти гражданская) *в высшей степени полезна и спасительна для самой личной веры.*

Для *задержания* народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т. е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское, противоцерковное движение) *необходима сильная Царская власть.* Для того же, чтобы эта Царская власть была *долго сильна*, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но — напротив того — необходимо, чтобы между этими толпами и Престолом Царским *возвышались прочные сословные ступени; необходимы боковые опоры* для здания долговечного Монархизма.

Я позволю себе сказать даже нечто большее и совершенно противное преобладающему течению мнений и дел в XIX веке.

Сами сословия или, точнее, сама *неравноправность* людей и классов важнее для государства, чем *монархия*.

Мы видели в истории *долговечные*, сильные, цветущие республики, более или менее аристократические; мы не видали *долговечных* демократических монархий. Их, строго говоря, и не было никогда до начала XIX века, до воцарения Наполеона I. Были в древности монархии более или менее *демократизованные* под старость; *чисто эгалитарных* государств не могло быть уже по тому одному, что во всех них допущено было *рабство*. И, однако, далеко *не полная* равноправность последних веков Греции и Рима, например, была достаточной для их расслабления.

В могучей и столь культурной Венеции не было монархии; власть дожа была ничтожна.

Англия (ныне уже демократизованная и столь уже похожая на все другие державы европейского материка) исполнила в истории свое великое назначение *не благодаря конституции* своей, а *вопреки ей*. Если бы прочность, сила, творчество и т. д. зависели от *самой конституции*, то, перенимая у Англии только эту сторону ее жизни, все государства Западной Европы должны были бы возрасти во внутреннем могуществе своем. Однако мы видим, что все эти западные государства испортили конституцией свой древний и прочный государственный строй и шаг за шагом идут к республиканской федерации, к утрате действительной самобытности. Из этого уже одного мы вправе заключить, что величие прежней Англии зависело гораздо более от политической *неравноправности*, чем от политической *свободы*. Политическая *неравноправность* была в Англии противоядием, противовесом политической *свободе*; лишь благодаря долгой *неравноправности* Великобритания так долго, так успешно и поучительно *переносила* свободу!

В прежней Франции монархия была самодержавна и сословна; в Англии монархия была издавна ограничена, но строй общества весьма неравноправен — где по закону, а где только фактически, но глубоко; в Венеции истинного монарха вовсе не было, но была аристократия. И все три государства эти были в свое время великими, не по боевой только силе, а внутренне могучие, своеобразные (т. е. культурные) государства.

Общая черта политической жизни у них была только одна — *неравноправность*.

Вот прямая и откровенная постановка государственного дела, без всяких лжегуманных жеманств.

Кто может отвергнуть такие грубые факты?

Сословная монархия, конечно, лучше и тверже аристократической республики, но аристократическая республика все-таки *надежнее* эгалитарной монархии, воздвигнутой на *смешанной*, зыбкой общественной почве.

Нация, когда-то сословная, нация, которая росла и развивалась (то есть *разнообразилась жизнью в возрастающем единстве власти*), может, конечно, *доживать* свой *государственный* век в виде вовсе бессословной монархии; она, эта смешанная и уравненная нация, может даже свершить еще великие и громкие деяния в последний период своего *отдельного* существования. Прежнее долговременное сословное развитие, разумеется, оставляет еще на некоторое время множество таких следов, таких *душевных навыков*, преданий, вкусов и даже полезных предрассудков, что уничтожить все эти плоды сословности не могут сразу новые впечатления и влияния бессословности; но если бессословность зашла уже слишком далеко; если *привычки* к ней вошли уже в кровь народа (а для этого гибельного баловства времени много не надо), если никакая *реакция* в пользу сословности уже не выносятся, то самодержавный монархизм, как бы он силен с виду ни казался, не придаст *один* и *сам по себе* долговечной прочности государственному строю. Этот строй будет слишком *подвижен* и

зыбок. Тьер уверяет, будто, что еще Наполеон I жаловался на то, что эгалитарная почва Франции — *песок*, на котором ничего прочного построить невозможно. Быть может, руководимый гениальным инстинктом своим, он и к завоеваниям стремился не для того только, чтобы прославить себя и славой укрепить свою династию, но вместе с тем и для того, чтобы неравноправностью *национальной*, внешней, *провинциальной* возместить недостаток неравноправности внутренней, сословной, *горизонтальной*. Французы, все политически и граждански между собою равные, могли бы, в случае успеха, стать привилегированными людьми в среде всех других покоренных наций. Великие представители великих движений стремятся ко многому и, бессознательно повинувшись историческому инстинкту своему, которому они сами нередко и настоящего названия не умеют найти, и в разговорах своих указывают на другие побуждения, часто гораздо более узкие или низменные. Счастливо и не совсем еще дряхло то государство, где народные толпы еще могут терпеливо выносить *неравноправность* строя. Я даже готов сказать и наоборот: счастливо то государство, где *народные толпы* еще *не смеют*, где они *не в силах* уничтожить эту неравноправность, если бы и не желали ее терпеливо выносить.

Самой земной Церкви или, говоря прямее и точнее, *самому спасению* наибольшего числа христианских душ, — по мнению духовных мыслителей, подобных Епископу Феофану, — нужен могучий Царь, который в силах надолго *задержать* народные толпы на (неизбежном, впрочем) пути к безверию и разнородному *своеверию*. Чтобы этот Царь, даже и *непреднамеренно*, положим, мог таким косвенным путем способствовать личному, загробному спасению многих душ, чтобы даже и в том случае, когда он, заботясь прямо лишь о силе земного христианского государства, мог этим самым *косвенным действием* увеличивать число избранных и для Небесного Царства (как говорит преосвященный Феофан), ему необходима опора неравноправного общественного строя. И потому, всякий, кто служит этой неравноправности здраво, то есть в *пределах возможного и доступного*

по обстоятельствам и духу времени, — тот, даже и не заботясь ничуть о спасении хотя бы моей или другой живой души христианской, а делая только свое, как бы сухое и практическое дело, *служит бессознательно, но глубоко, и этому спасению*.

Прочны ли будут плоды теперешней исправительной реакции нашей; окажется ли дворянство русское на высоте своего не только национального, но, быть может, и мирового (по дальнейшим последствиям) призвания, — мы этого не знаем. Европеизм и либеральность сильно расшатали основы наши за истекший период уравнительных реформ. В умах наших до сих пор царит смута; в чувствах наших — усталость и растерянность. Воля наша слаба; идеалы слишком неясны. Ближайшее будущее Запада — загадочно и страшно... Народ наш пьян, лжив, нечестен и успел уже привыкнуть, в течение 30 лет, к ненужному своеволию и вредным претензиям. Сами мы в большинстве случаев не к стати мягки и жалостливы и невпопад сухи и жестки. Мы не смеем ударить и выпороть мерзавца и даем легально и спокойно десяткам добрых и честных людей умирать в нужде и отчаянии. Из начальников наших слишком многие робки, легально-церемонны и лишены горячих и ясных убеждений. Духовенство наше пробуждается от своего векового сна уж слишком нерешительно и медленно. Приверженцев *истинно церковного, богобоязненного, прямого, догматического* Христианства еще слишком мало в среде нашего образованного общества; число их, правда, растет и растет... Но желательно видеть нечто *большее*. Писатели наши, за немногими исключениями, фарисействуют и лгут. Пишут одно, а думают и делают другое.

Но сила Божия и в немощах наших может проявиться!

И недостатки народа, и даже грубые пороки его могут пойти ему же косвенно впрок, служа к его исправлению, если только Господь от него не отступится скоро.

Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом "богоносцем", от которого ждал так много наш пламенный народолобец

Достоевский, — он должен быть *ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен*. Не надо лишать его тех *внешних ограничений* и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем *смирение* и *покорность*. Эти качества составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом. Чтобы продолжать быть и для нас самих с этой стороны *примером*, он должен быть сызнова и мудро *стеснен* в своей свободе; *удержан* свыше на скользком пути эгалитарного своеволия. При меньшей свободе, при меньших порывах к равенству прав будет больше *серьезности*, а при большей *серьезности* будет *гораздо* больше и того истинного *достоинства в смирении*, которое его так красит.

Иначе, через какие-нибудь полвека, не более, он из народа "богоносца" станет мало-помалу, и сам того не замечая, "народом-богоборцем", и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей... Евреи были гораздо более нас, в свое время, избранным народом, ибо они тогда были одни во всем мире, веровавшие в Единого Бога, и, однако, они же распяли на кресте Христа, Сына Божия, когда Он сошел к ним на землю.

Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого *расслоения* общества, без *всех* возможных *настойчивых* и *неустанных* попыток к восстановлению расшатанного сословного строя нашего, — русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути *всесмешения* и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель *Новой Веры*, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессословных, а потом бесцерковных или уже слабо церковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит Еп. Феофан, вместе с другими духовными писателями. Не надо забывать, что антихрист должен быть еврей, что нигде нет такого множества евреев, как в России, и что и до сих пор еще не замолкли у нас многие *даже и русские* голоса, желающие *смешать* с нами

евреев посредством убийственной для нас равноправности. Покойный Аксаков тоже находил, что тот, кто способствует равноправности евреев в России, *уготавливает путь антихристу*. Я сам слышал от него эти слова.

Замедление всеобщего предсмертного анархического и безбожного уравнения, по мнению Еп. Феофана, необходимо для *задержания* прихода антихриста.

Для замедления всеобщего уравнения и всеобщей анархии, необходим могучий Царь. Для того чтобы Царь был силен, то есть и *страшен*, и *любим*, — необходима прочность строя, меньшая *переменчивость* и *подвижность* его; необходима устойчивость *психических навыков* у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины.

Честь же и слава тем немногим "бодрым" людям, которые, подобно покойным гр. Толстому и Алексею Пазухину, не "отчаялись в спасении отчизны" и сделали первые попытки, первые смелые шаги на пути нового органического и целительного расслоения нашего общественного материала. Плоды попыток этих еще зелены, самые попытки еще недостаточно, быть может, глубоки и решительны; но *пять каких-нибудь лет* для государства — немного времени. Будем ждать и надеяться...

В наше время одно уже решение *вступить* на подобный путь есть само по себе великое решение!

Слава Толстому! Слава Пазухину! Не их будет вина, если то доброе семя, которое они так честно и смело сеяли, не взойдет как следует и не даст хорошей жатвы русским людям **XX** века. Не правительственные деятели, нам современные, будут виною этого бесплодия, а те земские сословия наши, о которых идет здесь главная речь, дворянство, если оно окажется недостойным стать опорой Царской власти, крестьянство, если оно до того уже развращено недавней полусвободой своей, что не сумеет ни стать хозяйственно на ноги, ни политически терпеливо понести более строгое и спасительное подчинение дворянам, даже и плохим.

Впервые опубликовано: Гражданин. 1891. № 64–67.

Публ. по:

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 678–684.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Кого из авторов приведенных документов можно отнести к консерваторам и кого к либералам? Как определить позицию государственных деятелей (А.А. Половцева, А.Н. Куломзина, В.Н. Ламздорфа, С.Ю. Витте) среди этих идейных лагерей?
2. Какие претензии предъявляли консерваторы университетскому образованию до и после контрреформы 1884 года?
3. Как оценивали университетский устав 1884 г. либералы-западники?
4. В чем были причины недовольства консерваторами судебной реформой 1864 года?
5. Как либералы-западники оценивали судебные преобразования 1889 года?
6. Каких изменений в сфере местного самоуправления добивались консерваторы и каких – либералы-западники?
7. Как относились к институту выборов консерваторы и как – либералы?
9. Как в целом оценивали реформаторское наследие Александра II консерваторы и либералы?
10. Как в целом оценивали контрреформы Александра III и их дальнейшие перспективы либералы и консерваторы? Справедлив ли, на Ваш взгляд, вывод К.Н. Леонтьева о том, что государственные деятели 1880-х годов не виноваты в будущих революционных потрясениях?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балугев Б.П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971.
2. Боханов А.Н. Император Александр III. М., 2015.
3. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика. М., 2000.
4. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.
5. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903
6. Кириллов А.К. Традиции и новации: Россия пореформенная // Модернизация и традиция в истории России: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 46–61.
7. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н.Новгород, 2008.
8. Консерватизм: pro et contra. Социальное явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных учёных-исследователей: антология / сост., вступ. статья, коммент. А.Я. Кожурина; ред., предисл. А.А. Сеницына. СПб., 2016.
9. Котов А.Э. Контрреформы и консерваторы в 1870-х – 1890-х гг.: опыт разочарования // Актуальная история: научно-публицистический журнал. СПб., 2012. Режим доступа: http://actualhistory.ru/XIX_counter-reformers
10. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996.
11. Либерализм: pro et contra. Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников: антология / сост., вступ. статья, коммент. В. А. Гуторова, сост., послесловие Р. В. Светлова. СПб., 2016.
12. Медоваров М.В. Александр Киреев. СПб., 2019.
13. Мещерский В.П. Гражданин консерватор / сост., вступ. статья, коммент. И.Е. Дронова. М., 2005.

14. Победоносцев К.П. Государство и Церковь. Т. 2. М., 2011.
15. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
16. Розенберг В. Из истории русской печати: Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.). Прага, 1924.
17. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.
18. Сорокин А.А. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2011.
19. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.

Александр Анатольевич **Сорокин**
Максим Викторович **Медоваров**

**КОНТРЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА III В ВОСПРИЯТИИ
КОНСЕРВАТОРОВ И ЛИБЕРАЛОВ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО**

Учебно-методическое пособие

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23